

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 16

Донецк – 2021

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 16

Донецк – 2021

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Ответственный секретарь – к. филол. наук **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Фёдоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Корablёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **В.И. Мозговой** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **А.Н. Стебунова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Г. Евсева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **Л.Т. Сенчина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»); **Г.Г. Слышкин** (ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Executive Secretary – Candidate of Philology **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **V.I.Mozgovoï** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **A.N.Stebunova** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.G.Jevseeva** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N.Panchekhina** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **L.T.Senchina** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V.M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian University of Transport, Russian Federation); Doctor of Philology, Professor **V.I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 7 от 26.11.2021 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2021

Словообразование и грамматика

УДК 81'28

А.А. Андриященко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Н.П. Курмакаева)

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ В ОБЛАСТИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РЕЧИ ДОНЧАН (на материале словаря донецкого региолекта)

В статье рассматриваются проблемы региональной вариативности в сфере имен существительных, нормативного и ненормативного при их реализации в речевом дискурсе дончан, дискуссионные вопросы соотношения литературной нормы, нормы и варианта нормы, отклонения от нормы и ошибки. Описан характер региолектно обусловленных отклонений от литературной нормы в именах существительных, представлены результаты проведенного лингвистического эксперимента.

Ключевые слова: донецкий региолект, имя существительное, литературная норма, ошибки лексические, ошибки грамматические.

В отечественном языкознании вопросы культуры речи и связанные с этим проблемы отклонений от литературной нормы на всех уровнях языка (от фонетики и акцентологии до синтаксиса и стилистики) всегда были в поле пристального внимания исследователей и методистов (Ю.А. Бельчиков, Н.С. Валгина, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Т.А. Воронцова, Б. Н. Головин, И.Б. Голуб, К. С. Горбачевич, В.Г. Костомаров, Д.Э. Розенталь, Г.Я. Солганик, М.А. Шелякин, Л.В. Щерба и мн. др.). К их числу мы безусловно относим Г. И. Рихтера, первого заведующего кафедрой русского языка тогда еще Сталинского пединститута. Он много занимался вопросами культуры речи в Донбассе и собрал интересный, а главное, не потерявший ценности в наше время эмпирический материал, поскольку практически все указанные им отклонения от нормы продолжают сохраняться, только стали менее заметными. В числе отмеченных ученым слов и словоформ, в которых допускаются ошибки различного характера, значительное место занимают формы имен существительных. А поскольку имя существительное наряду с глаголом – одна из важнейших словоформ в предложении, то правильное, грамотное употребление его в речи, в высказывании просто необходимо. Однако в речевом дискурсе носителей русского языка в Донбассе часто присутствует или заметно ощущается влияние донецкого диффузного региолекта, о чем исследователи-языковеды ДонНУ изложили в монографии «Донецкий региолект», обратив внимание и на ненормативную реализацию имен существительных [4, глава 3].

Региолектные явления в повседневном общении жителей того или иного региона в последние 20–30 лет стали активно изучаться в российском лингвистическом пространстве в рамках не только дисциплины «Культура речи». «Сегодня уже можно говорить о становлении нового направления российской филологии – *регионалистики*, или региолектологии, или лингворегионоведения. Благодаря включенности исследования донецкого региолекта в систему российских региолектных исследований впервые объективируется представление о донецкой речи как о важной и неотъемлемой части единого русского национального языка» [6, с. 14]. Несколько лет назад донецкие

ученые-языковеды приступили к исследованию так называемой «донецкой речи», которую было предложено назвать «донецкий диффузный региолект» [4, с. 21].

Донецкие ученые отмечают, что реальным результатом работы в ракурсе лингворегионоведения могут стать, помимо словарей города, поселка, отдельной языковой личности и учебных пособий по лингворегионоведению и лингвокраеведению, еще и методические рекомендации для учителей школ и работников сферы СМИ по культуре речи для устранения и предотвращения отступления от речевой нормы в связи с определенными региональными языковыми чертами [6, с. 14].

Следует согласиться с мнением Н.С. Валгиной: «Динамика языкового развития столь ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу лингвистической общественности, ни в среде журналистов и публицистов, ни среди обычных граждан, не связанных профессионально с языком» [1, с. 3].

В среде культурных людей с понятием языковой нормы связывают представление о правильной, грамотной речи. Образцом служит классическая русская литература и профессиональная публицистика и журналистика. В своей работе мы ориентируемся на ставшее классическим определение языковой нормы, сформулированное С.И. Ожеговым: «Норма – это совокупность наиболее пригодных для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной оценки этих элементов» [8, с. 3–4]. Таким образом, норма – явление социально-историческое, национально детерминированное. Как и сам язык, в каждый исторический период она одновременно и стабильна, и подвижна. «Несмотря на свою принципиальную подвижность и изменчивость, норма предельно осторожно открывает свои границы для инноваций, оставляя их до поры до времени на периферии языка» [1, с. 41]. Ученые выделили несколько признаков литературной нормы: устойчивость, распространенность языкового явления, авторитет источника, обязательная кодификация, привычность, относительная устойчивость при исторической изменчивости, соответствие системным возможностям и тенденциям развития языка. «Устойчивость нормы во многом обеспечивает преемственность культурных традиций народа, возможность появления и развития национальной литературы. Устойчивость литературной нормы пропагандируется школой, важную роль в ее распространении играют средства массовой информации» [9, с. 22].

Образцом литературной речи являются, как правило, тексты художественных произведений. Поэтому учителю очень важно правильно подбирать эталонные тексты и тщательно работать в классе с их материалом.

Полагаем, что исследование влияния донецкого диффузного региолекта на литературную норму на всех уровнях, и в частности – изучение региолектной вариативности в сфере имен существительных находится только на начальном этапе. В этом мы видим **актуальность** нашего исследования.

В качестве **объекта своего наблюдения и исследования** мы избрали контексты с формами имен существительных из речевого дискурса жителей Донбасса, частично уже представленные в брошюре Г. Рихтера (1958) [7] и в монографии «Донецкий региолект» (2018) [4].

Предмет исследования – соотношение нормативного и ненормативного в сфере реализации имен существительных в речевом дискурсе дончан.

Цель нашей работы – систематизировать и описать характер региолектно обусловленных отклонений от литературной нормы в именах существительных.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- рассмотреть ключевые понятия и вскрыть дискуссионные вопросы отклонений от литературной нормы в употреблении имен существительных;
- изучить суть понятия *языковая норма*; сопоставить норму и вариант нормы, норму и ошибку;
- провести лингвистический эксперимент с анкетированием и описать полученные результаты.

Вслед за Б.Н. Головиным, мы признаем, что «норма – это исторически принятый в данном языковом коллективе (предпочтенный) выбор одного из функциональных парадигматических и синтагматических вариантов языкового знака» [2, с. 20]. Мы знаем, что в отличие от строгих орфографических норм, предлагающих один вариант и запрещающих другие, орфоэпические, лексические, словообразовательные, грамматические нормы нередко допускают варианты, которые либо оцениваются как равноправные, либо один вариант считается строго нормативным, предпочтительным, желательным, а другой допустимым, разрешенным, не запрещенным. Так, в речи информантов, как показывают результаты промежуточных опросов, предпочтительным оказался орфографический вариант произношения ряда слов, например: *до[жд]и*, а не *до[ж'ж']и*, как говорит в основном старшее поколение; *[д]верь*, а не *[д']верь*. Известно, что русская фонетическая система допускает как сочетание [шн], так и сочетание [ч'н], причем в основном избирательно, например, терминологические слова произносятся с [ч'н], а обыденные с [шн], например: *яи[чн]ик*, но *яи[шн]ица*; или как равноправные варианты: *було[ч'н]ая* и *було[шн]ая*, *скворе[чн]ик* и *скворе[шн]ик*. Однако в современной речи молодежи вариантов произношения по «старшей» норме уже почти не встретить.

Одна из самых проблемных групп слов сегодня – это иноязычные слова. Как отмечается в современных орфоэпических словарях, в словах иноязычного происхождения согласный перед буквой *е* может произноситься как твердо, так и мягко. Орфоэпическая норма в одних случаях требует твердого произношения (*[дэ]када*, *[тэ]мп*), в других – мягкого (*[д'е]кларация*, *му[з'е]й*), в третьих допускает равноправие *[дэ]льта* и *[д'э]льта*, что представляет определенные трудности для спонтанной речи.

Глубокое исследование литературных норм и их речевых вариантов привело ученых к необходимости дифференцировать понятия *норма* и *вариант*. Наряду с двойной нормативной акцентологией слов *твóрог*, *одноврёмённость* и др., допускается также равноправность некоторых форм склонения существительных: *много простынь* и *простыней*; *в цехе* и *в цеху*; *туркмен* и *туркменов* и т.п., то есть имеют место варианты нормы. На фоне вариативности возникает проблема ненормативного в языке, в связи с чем Н.С. Валгина признается, что «характеристики нормативное – ненормативное оказались недостаточно точными и неадекватными по отношению к ряду языковых явлений» [1, с.46]. Она предложила дифференцировать норму по таким параметрам: *императивная* и *диспозитивная*, а также *общезыковая* и *ситуативная*. Так, императивная норма предписывает только единственно правильное ударение в словах или форму слова: *срédства*, *докумéнт*, *алкогóль*, *цемент*, *обеспéчение*; *сады в цвету*, но *снимок в цвете*; *скучать по маме*, но не *за мамой* и т.д. Ситуативную норму мы имеем в случаях стилистически отмеченного употребления слова, например, в профессиональной, высокой поэтической или разговорной речи. Вспомним профессионализмы типа *дóббыча*, *бухгалтерá*, поэтическое *кладбúще*, разговорные варианты *пять килограмм*, *полкило апельсин*, *купить луку*, *чесночку*; *ясель* наряду с литературной нормой *яслей* и др.

При этом ученые предлагают различать мотивированные и немотивированные отклонения от нормы, т.е. преднамеренные и неоправданные. И только последние

относят к речевым ошибкам.

Одной из заметных особенностей донецкой речи является употребление украинизмов. Является ли лексической ошибкой замена русских номинаций украинскими вариантами? Ошибка, как утверждает Е.Н. Зверева в работе «Основы культуры речи», «это или отражение неверной информации, или неточная реакция на нее, которая может оказаться чреватой разными последствиями» [5, с.34]. Как показывает речевая практика, употребление в бытовой речи украинизмов не влечет таких последствий, это стало со временем «местной» нормой и не вызывает коммуникативных сбоев. Скорее, наоборот, если на рынке спросишь: «*Сколько стоит свёкла?*», то в ответ можешь получить поправку: «*Бурячок по двадцать*». В нашем регионе чаще всего отклонения от нормы характеризуются региолектным влиянием. А поскольку донецкий региолект складывался под влиянием двуязычия, то одной из главных проблем образования и функционирования имен существительных в речи дончан – это воздействие украинского языка. Данное влияние отмечено как в работе Г.И. Рихтера, так и в монографии «Донецкий региолект». Так, значительно распространено употребление существительных-украинизмов в речи старшего поколения дончан-аборигенов, например: *гуска* вместо нормативного русского *гусыня*, *говоруха* вместо *говорунья*, *гарбуз* вместо *тыква*, *крикуха* вместо *крикунья*, *кошик* вместо *корзина*, *картопля* вместо *картофель*, *мязы* вместо *мышцы*, *намисто* вместо *монисто*, *нахаба* вместо *нахалка* и мн. др. Одни из них, как видим, формально разные, другие имеют различия в словообразовательных морфемах. Согласно словарю донецкого региолекта, тех и других пар приблизительно равное количество в пространстве донецкой речи. В частности, актуальными для нее являются такие имена существительные украинского происхождения или произношения, как: *буряк*, *вага*, *горище*, *горобец*, *жменя*, *кавуныца*, *лушпайка*, *малая (малой)*, *метушня*, *морква*, *мряка*, *мыска*, *нышпорка*, *почтарька*, *родыч*, *рэпанка*, *скапка*, *скибка*, *смитьё*, *стулка* и др.

Обратимся к грамматическим явлениям в речи дончан. В.И. Теркулов пишет: «Грамматика донецкого региолекта, как и все остальные уровни его языковой структуры, формируется за счет взаимодействия, как минимум, двух стихий: украинского языка и русского просторечия» [4, с. 57]. Мы выделим наиболее значимые для донецкого речевого пространства особенности морфологии и синтаксиса, памятуя о том, что региолект не гомогенен и что у разных его носителей региональные черты в речи проявляются по-разному, особенно в области образования различных форм имен существительных. Нужно отметить, что причины отклонения от грамматической нормы весьма разнообразны. Чаще всего это наблюдается у жителей старшего поколения, у людей с невысокой грамотностью, имеющих скудный словарный запас. Мы квалифицируем как речевую грамматическую ошибку все виды немотивированного отклонения от литературной нормы в области морфологии и синтаксиса словоформы: от неправильного образования родо-числовых и падежных форм имен существительных до неверного выбора форм управления между господствующей и зависимой словоформами.

Итак, вторая (наиболее значительная) группа слов, функционирующих в донецком региолекте, – это просторечия. Их заметно больше, и они имеют более разнообразные способы проявления.

Следует отметить, что представительство в этой группе со временем меняется: одни слова уходят в пассив, другие активизируются. Так, в словарных материалах Г.И. Рихтера отмечены слова, например, *оглобля*, которых уже почти нет в речи современного жителя региона, ученый же указывает это слово в связи с неправильным его употреблением обычно в форме мн. ч. Р.п.: *оглоблей* (вместо нормативного *оглобель*). Теперь уже такие слова выглядят как архаизмы, однако в 50-е годы XX в.

они были вполне употребительными и активными. Нам представляется полезным такие слова (*кочерга, оглобля* и др.) включать в задания школьных олимпиад. В современной же речи мы сталкиваемся с вариативностью этих форм в актуальных словах, например:

- замена нулевого окончания окончанием *-ев*: *блюдцев* (вместо *блюдец*);
- замена окончания *-ов* нулевой флексией: *помидор* (вместо *помидоров*), *томат* (вместо *томатов*), *абрикос* (вместо *абрикосов*) *апельсин* (вместо *апельсинов*);
- замена нулевой флексии окончанием *-ов*: *сапогов* (вместо *сапог*), *бахилов* (вместо *бахил*), *хлопотов* (вместо *хлопот*), *цыганов* (вместо *цыган*), *яблоков* (вместо *яблок*), *баклажанов* (вместо *баклажан*), *бутсов* (вместо *бутс*), *макаронов* (вместо *макарон*), *шортов* (вместо *шорт*);
- замена окончания *-ий* на окончание *-ев*: *оладьев* (вместо *оладий*), *запястьев* (вместо *запястий*), *кушаньев* (вместо *кушаний*);
- замена нулевого окончания окончанием *-ей*: *яблоней* (вместо *яблонь*), *голубятней* (вместо *голубятен*) и др.

Как и почти 70 лет назад при Г.И. Рихтере, в современной донецкой речи отмечаются такие явления, как изменение родовой характеристики имен существительных, которое проявляется в следующих процессах:

- мена имени существительного ж. р. на существительное м. р.: *мой туфель* вместо *моя туфля*;
- переход имени существительного м. р. в существительное ж. р.: *занавесь* (вместо *занавес*), *рельса* (вместо *рельс*), *бланка* (вместо *бланк*);
- переход имени существительного ж. р. в существительное ср.р.: *фамилие* (вместо *фамилия*), *силище* (вместо *силища*);
- другие родовые смешения: *тапка – тапок, кед – кед, выработка – выработок, георгин – георгина, вольер – вольера, плацкарт – плацкарта, манжет – манжета, сандалет – сандалета, ставень – ставня* и некоторые др.

Данные явления принято называть «колебания в роде имен существительных». Как указывают авторы «Стилистического словаря вариантов», «реально существующих параллельных вариантов сравнительно немного, причем один из членов в таких парах различается или сферой, или частотой употребления» [3, с. 89].

И в монографии «Донецкий региолект», и в брошюре Г.И. Рихтера нашли отражение некоторые типичные отклонения в области употребления имен существительных, например, во множественном числе, когда нормативную флексию *-ы* заменяют на *-а* у некоторых существительных мужского рода, например: *выбора* (вместо *выборы*), *веса* (вместо *весы*), *договора* (вместо *договоры*), *месяца* (вместо *месяцы*), *джемпера* (вместо *джемперы*), *диспетчера* (вместо *диспетчеры*) и др.

В речи старшего поколения имеет место замена окончания творительного падежа множественного числа *-ми* после мягкого согласного на флексию *-ами*, например: *детьми* (вместо *детьми*), *людьми* (вместо *людьми*).

Наблюдаются некоторые отклонения от нормы в употреблении существительных в предложном падеже, когда нормативную флексию *-е* заменяют разговорной *-у*: *в отпуску* (вместо *в отпуске*), *в уголку* (вместо *в уголке*), *в холоду* (вместо *в холоде*), *на газу* (вместо *на газе*), *в борцу* (вместо *в борце*) и др.

Украинским влиянием объясняем присутствие в донецкой речи таких ненормативных словосочетаний, как *сделать в такой способ* (вместо *таким способом*), *это было еще за Януковича* (вместо *при Януковиче*), *пропустил через болезнь* (вместо *из-за болезни*) и др. Подробнее о синтаксических явлениях в донецкой речи изложено в [4, с. 62–63; 6, с. 171–176].

Для подтверждения результатов наблюдения ученых над процессами, происходящими в сфере имен существительных, мы поставили лингвистический

эксперимент, для чего разработали анкету и провели экспресс-опрос информантов. К анкетированию было привлечено 20 студентов ДонНУ филологического факультета.

Анкета состоит из 4 заданий и небольшой справки об информанте (ФИО, возраст). Первое задание предполагает кратко сформулировать понятие «языковая норма». Второе задание – практическое: поставить предложенные слова во множественном числе, учитывая наличие отклонений от литературной нормы в образовании данных имен существительных. Третье задание предполагает творческий элемент: вспомнить имена существительные, в которых говорящий допускает ошибку, и определить тип ошибки. В четвертом задании – синтаксическом – информантам было дано 5 предложений с грамматическими ошибками и нужно было эту ошибку найти и исправить. Все задания нацелены на проверку знания студентами исследуемого нами материала.

По результатам первого задания мы обнаружили, что только 6 человек справились с определением понятия «языковая норма» и дали научно приемлемую дефиницию. Из них 2 респондента предложили краткие формулировки: языковая норма – это «правила для грамотного владения данным языком». Остальные 4 студента привели очень близкие развернутые формулировки понятия: «исторически установленные правила использования языковых средств, зафиксированные в словарях»; «исторически сложившиеся общепринятые правила пользования языковыми средствами», «правила использования языковых средств, сложившиеся исторически». Это свидетельствует, с одной стороны, о не выработанном в школе навыке формулирования тех или иных определений, с другой – о недостаточном для студента умении грамотно оформлять свои мысли (в приведенных дефинициях имели место речевые ошибки).

Во втором задании были даны следующие словоформы: *носок, крем, метр, фельдшер, апельсин, вексель, табель, кузов*, которые нужно было записать во множественном числе. Затруднения вызвали слова: *вексель, табель, крем, кузов, фельдшер*. Только 9 человек из 20 справились с заданием полностью и записали правильную форму мн. ч. во всех указанных словах. Другие информанты привели ненормативные для современного русского языка варианты данных словоформ: *вексели, крем – крема, табель – табеля, кузов – кузовы, фельдшер – фельдшеры*. Считаем это задание самым трудным, так как без обращения к таким кодификационным справочникам, как [3, с. 160–167], установить правильность формы затруднительно.

Третье задание заключалось в том, что студентам нужно было сформулировать типы отклонений от литературной нормы в именах существительных с приведением примеров. Ответы, к сожалению, не отличались разнообразием и сводились в основном к тому, что есть общественно закрепленные нормы (принятые обществом), их называют конвенциональными, и есть индивидуальные реализации вариантов нормы (человек сам придумал слово или его служебный морфемный состав – суффикс, окончание, падежную форму). Примеры из опросников: *блогерка, яшеница, ехать до бабушки, пять кутят, главка* и др. Только один информант грамотно охарактеризовал такие типы отклонений от литературной нормы, назвав их единицами разговорной речи, просторечиями, а также сленговыми словами. Четырнадцать информантов не смогли дать исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Четвертое задание для студентов оказалось самым трудным. Было дано 5 предложений, в каждом из которых нужно было раскрыть скобки и поставить имя существительное в соответствующую форму. Например: *у меня на (глаз) был ячмень*. Нормативной здесь является предложно-падежная форма *на глазу* [3, с. 196]. Результаты показали, что только 8 информантов дали правильный ответ, остальные считают, что нормой будет *на глазе*. В выражении же *работает на газу*, наоборот,

флексия -у – показатель не литературной нормы, а разговорного ее варианта. Десять информантов ошибочно назвали эту форму нормативной, столько же указали форму *на газе*.

Подводя итоги анкетирования, можно сказать, что большинство ошибок, допущенных студентами, вызваны именно региолектным влиянием на литературную речь на данной территории. Результаты данного научного исследования могут быть использованы в практическом курсе русского языка в школе, на занятиях по культуре речи, в школе «Юный филолог».

Считаем, что овладеть навыками правильной речи – значит воспитать в себе речевую культуру. Речевая культура – это “культура сознательного и грамотного пользования неисчерпаемой сокровищницей языка, культура корректного и эффективного речевого поведения” [8, с. 3]. Задача филолога – не только воспитать в себе речевую культуру, но и овладеть методикой корректирующей работы с целью выправления речевых ошибок в школьной и студенческой аудитории, чем мы и намерены заниматься.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
2. Головин Б. Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – М.: Высш. шк., 1988. – 320 с.
3. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов /Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – 3-е изд., стер. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 555 с.
4. Донецкий региолект/ под.ред В.И.Теркулова. – Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк, 2018. – 253 с.
5. Зверева Е.Н. Основы культуры речи: Теоретический курс / Е.Н. Зверева. – М.: Изд. Центр ЕАОИ, 2008. – 219 с.
6. Курмакаева Н.П. Введение в лингворегионоведение: Теоретический курс: Учебное пособие / Н.П. Курмакаева. – Донецк, 2021. – 205 с.
7. Рихтер Г. И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г.И. Рихтер. – Сталино: Сталинское обл. изд-во, 1958. – 30 с.
8. Русский язык и культура речи / под ред. В. Д. Черняк. – СПб: САГА; М. : ФОРУМ, 2005. – 368 с.
9. Современный русский литературный язык / под ред. акад. РАО В.Г. Костомарова и проф. В.И. Максимова. –М. :Гардарики, 2003. – 780 с.

A.A. Andrushenko

DEVIATIONS FROM THE LITERARY STANDARD IN EDUCATION NOUNS

The problems of regional variability in the sphere of nouns, normative and non-normative in their implementation in the speech discourse of Donetsk residents, discussion issues of the correlation of literary norm, norm and variant of the norm, deviation from the norm and error. The nature of the regiolectally conditioned deviations from the literary norm in nouns is described, the results of the linguistic experiment carried out are presented.

Key words: *Donetsk regiolect, noun, literary norm, lexical errors, grammatical errors.*

СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ

В работе рассматриваются сложносокращенные неологизмы. Для этого возникает необходимость уточнить такие понятия: «неологизмы» и «сложносокращенные слова». Определить особенность ономаσιологического подхода в современном русском языке, который позволит увидеть то, как именно осуществляется акт номинации. Составить классификацию аббревиатурных неологизмов. Составить дешифровальную матрицу ономаσιологических групп сложносокращенных неологизмов. Такой подход позволит рассмотреть, каким образом классифицируются реалии, обозначенные аббревиатурами, в современном русском языке.

Ключевые слова: неологизмы, аббревиатурные группы, ономаσιологические модели, ономаσιологические классы.

1. Введение

В русском языке существует большое количество многословных наименований, которые обозначают предметы и их свойства, явления и т.д. Особенность аббревиации заключается в том, что сокращение наименований, возникновение на базе словосочетаний, способствует экономии языковых средств. Экспериментальная лаборатория исследования тенденций аббревиации при ДонНУ осуществляет составление Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка, в процессе работы над которым разрабатываются новые методики описания сложносокращенных слов (далее ССС). Под сложносокращенными словами мы понимаем «единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [7, с.70]. Описание ономаσιологических моделей может быть использовано как материал для создания методик ономаσιологического прогнозирования эквивалентностных отношений для указанного словаря.

Цель исследования состоит в описании неологизмов в аббревиатурно-ономаσιологическом аспекте.

Для достижения цели необходимо решить ряд задач:

- 1) уточнить понятие «неологизм» в приложении к сложносокращенным словам;
- 2) уточнить понятие «сложносокращенное слово (далее – ССС);
- 3) уточнить понятие «ономаσιологический класс»;
- 4) дать дефиницию понятия «ономаσιологическая модель»;
- 5) определить принципы описания моделей образования ССС-неологизмов.

Актуальность работы заключается в комплексном описании ономаσιологических классов, включающую ономаσιологическую интерпретацию компонентов гнезд эквивалентности ССС неологизмов. В нем дается определение ономаσιологического класса как объединения одноструктурных единиц, имеющих сходное значение. В работе констатируется сходство ономаσιологических моделей разных композитных типов имен, относящихся к неологизмам – наименованиям лиц

(автодилер) учебных учреждений (*моршкола, комакадемия, агрокружок авиаслужба*), действий (*авиапатрулирование, автоблокировка*), организаций (*колхоз, авиаотряд, авиаэскандра, авиаполк, авиахолдинг*), устройств (*автохронограф, автоанализатор, авиаприбор, автоинкубатор, авторучка*), пространственных объектов (*авиаполигон*), отраслей (*авиапрборостроение, авиатуризм*). Также одним из факторов актуальности работы является необходимость создания методик для формирования словарных статей «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка». Особенность формирования ономаσιологических классов может быть использовано как основа для создания приёмов прогнозирования эквивалентностных отношений в гнездах эквивалентности сложных слов.

По мнению В.И. Теркулова, модель образования сложносокращённых слов представляет собой «модель механизма сочленения компонентов словосочетания в конструкты композита, то есть, собственно, модель универбализации» [1, с. 297]. Как отмечает ученый, «описание моделей образования сложносокращённых слов универбализационного типа – это описание моделей именно формального преобразования словосочетания в слово, семантика исходного словосочетания и аббревиатуры здесь абсолютно идентична и не участвует как изменяемая сущность в процессе универбализации» [1, с. 294].

Объектом исследования в данной работе выступают аббревиатуры, которые входят в пассивный состав лексики, входящих в группу «неологизмы» XX и XXI в.: *гидроневесомость, колхоз, комсомол, авикружо и т.д.*

Предметом исследования являются номинативный статус и механизмы формирования ономаσιологической структуры и формальной организации сложносокращённых слов, входящих в данный ономаσιологический класс.

Неологизмы – (от греческого «нео» и «логос» - новые слова) - это слова или словосочетания, которые не так давно появились в языке [10].

Опираясь на это определение, для этой группы были выделено 7 классов (наименование лиц, действие, учебное учреждение, организация, устройства, пространственные объекты и отрасль):

1. **Действие:** *генкварверх, женделегатка, женорганизатор, заврайзо, авиапатрулирование.*
2. **Наименование лица** (звание, чин, профессия): *автодилер.*
3. **Учебные учреждения:** *моршкола, комакадемия, агрокружок, авиаслужба.*
4. **Организация** (группа лиц, объединённых общей работой, общими интересами): *колхоз, авиаотряд, авиаэскандра, авиаполк, авиахолдинг, автокластер.*
5. **Устройства:** *автохронограф, автоанализатор, авиаприбор, автоинкубатор, авторучка, авитендер, атоланцент.*
6. **Пространственные объекты:** *авиаполигон, автопакинг.*
7. **Отрасль:** *авиапрборостроение, авиатуризм.*

Из приведенной классификацией мы видим, что во всех случаях сложносокращённые слова объединены лексикой ограниченного употребления.

2. Классификация ономаσιологических моделей

Классификация ономаσιологических моделей представляет собой описание ономаσιологической структуры значения ССС и его эквивалента, которая включает: а) ономаσιологический базис, указывающий на определенный понятийный класс – родовое понятие к которому отнесено наименование; б) ономаσιологический признак, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри

класса (например, для названий действий – направление, производитель, статус и т.п.) [5, с. 146]. Ономасиологическая модель складывается из: «1) общего смысла ономасиологического базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ономасиологических признаков (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком» [2, с. 20].

Все типы ССС, входящие в лексико-семантическое поле, имеют одинаковую структуру ономасиологической модели: «ономасиологический базис + ономасиологический признак, реализующий семантику зависимого компонента». Ономасиологический базис несет в себе общую семантику ономасиологического подкласса.

Для рассматриваемого лексико-семантического поля отмечается, например, ономасиологический базис «актант принадлежности», который является фокусом номинации: *ручка автомата – авторучка*.

Типы ономасиологических признаков определяются нами на основе «аргументов диктума», предложенных Е.А. Селивановой для деривационных номинативных моделей, которые определяются на основе так называемых ономасиологических или семантических [4].

3. Определение моделей ономасиологического класса ССС «неологизмы»

3.1. Подкласс «наименование лиц»

1. Профессия + квалификатив. *Автодилер* — *автомобильный дилер*: *Разухабистый бизнесмен Марк (Дмитрий Марьянов) порывается вызвонить девочек, но не находит поддержки у друзей: автодилер Геннадий (Константин Юшкевич) скорее по привычке хранит верность жене, а хозяин квартиры – физик и неудачник Анатолий (Гоша Куценко) – подготовил для всех сюрпри*. [<https://rosserial.net/actor/irina-areksimova.html>] *Поможет ли автомобильный дилер поставить на учет автомобиль? С 1 января 2020 года вступил в силу Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Далее – Закон)* [<https://74.мвд.пф/document/19838720>].

3.2. Подкласс «организации»

1. Организации + квалификатив. *Автокластер* — *автомобильный кластер*: *Предприятия автокластера Калужской области по итогам восьми месяцев 2018 года показали рост производства, выпустив более 140 тыс. легковых и грузовых машин, сообщил губернатор региона Анатолий Артамонов* [<https://www.autostat.ru/news/36260/>] *Промышленный автомобильный кластер "Автопром Северо-Запад". Промышленный кластер Автопром «Северо-Запад» создан в 2016 году и представляет собой группу географически локализованных взаимосвязанных производственных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг и объектов инфраструктуры* [<https://econ.lenobl.ru/ru/budget/clusters/autocluster/>].

2. Организации + посессив. *Авиаотряд* — *отряд авиации*: *В декабре лед на Ладожском озере достаточно окреп и стала действовать Дорога жизни, что позволило сократить воздушные перевозки. 29 октября Московская авиагруппа особого назначения (МАОН) перебазировалась обратно во Внуково, и авиаотряд*

перешел в распоряжение Западного фронта [https://ru.wikipedia.org/wiki/Специальный_лётный_отряд_«Россия»] **Отряд авиации** входит в состав авиационной части (отд. авиационные отряды — в авиац. соединении или объединении). Первые авиационные отряды в России были созданы в 1911 [https://xn----7sbfkccucprkacijq8iofobm.xn--p1ai/%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D1%8D%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F/%D0%90%D0%90%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%8F%D0%B4].

3.3. Подкласс «устройства»

1. Устройства + qualificativ. *Авторучка – автоматическая ручка: Даджет KIT MT6081 - это цифровая **авторучка**, устройство, благодаря которому вы сможете забыть о перепечатывании текстов и записок с сотни листочков, блокнотиков или тетрадок*

[https://www.icover.ru/catalog/product/masterkit_mt6081_tsifrovaya_avtoruchka_siniy/] – *Автоматическая ручка Writometer от ТМ Flair изготовлена из качественного пластика и оснащена надежным механизмом выдвигания пишущей головки* [https://prom.ua/p1028419850-ruchka-avtomaticheskaya-flair.html?&primelead=My40Ng].

3.4. Подкласс «пространственные объекты»

1. Пространственные объекты + locativ. *Авиаполигон – авиационный полигон. Минобороны сохранило единственный в Украине **авиаполигон** для бомбометания и стрельбы ракетами по наземным целям: Офис генпрокурора отстоял права государства*

на использование его военными [https://news.liga.net/incidents/news/edinstvennyu-aviapoligon-vsu-hoteli-zabrat-u-voennyh-ne-smogli] – *Авиационным полигоном называется специально отведенный и оборудованный земельный (водный) участок с воздушным пространством над ним, предназначенный для обеспечения боевого применения АСП и тактической выучки экипажей, подразделений, частей и соединений по планам боевой подготовки, учебного процесса военно - учебных заведений (ВУЗов) и работ научно - исследовательских организаций Вооруженных Сил Российской Федерации* [https://official.academic.ru/184/Авиационный_полигон].

3.5. Подкласс «учебные учреждения»

1. Учебное учреждение + qualificativ. *Комакадемия – коммунистическая академия. **Комакадемия** — высшее учебное заведение, а также научно-исследовательское учреждение РСФСР и СССР. Включала научные институты философии, истории, литературы, искусства и языка, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, аграрный, институты естествознания, в том числе Биологический институт имени К. А. Тимирязева, ряд секций, комиссий и обществ (в том числе общества биологов-марксистов, врачей-марксистов-ленинцев, математиков-марксистов)* [https://ru.wikipedia.org/wiki/Коммунистическая_академия] –

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 19 марта 1926 года **Коммунистическая академия** была передана в ведение ЦИК СССР [https://runivers.ru/philosophy/chronograph/154869/].

3.6. Подкласс «действие»

1. Действие + финитив. *Авианатрулирование – авиационное патрулирование. Истребители МиГ-29 Минобороны Сербии провели авианатрулирование на административной линии с сербским автономным краем Косово и Метохия, сообщает агентство Tanjug* [https://aif.ru/politics/world/serbskie_mig-29_proveli_aviapatrulirovanie_na_granice_s_kosovo] – **Авиационное патрулирование лесов** заключается в систематическом наблюдении с воздуха за лесной территорией с целью своевременного обнаружения пожаров и выявления нарушений правил пожарной безопасности [https://uralaviales.ru/об-учреждении/обнаружение-лесных-пожаров/авиационное-патрулирование].

3.7. Подкласс «отрасль»

1. Отрасль + посессив. *Авиаприборостроение – авиационное приборостроение. (сокр. **Комакадемия** — высшее учебное заведение, а также научно-исследовательское учреждение РСФСР и СССР. В 1956 году началось строительство завода А-161 (сейчас АО «Арзамасский приборостроительный завод имени П. И. Пландина»), который, во многом благодаря талантливому руководителю и организатору, почётному гражданину Арзамаса П. И. Пландину, превратился в крупнейшее предприятие города и одно из ведущих предприятий авиаприборостроения СССР* [http://wikipedia.ru.nina.az/Арзамас.html] – Факультет **авиационного приборостроения** (ФАП) организован в составе Уфимского авиационного института (в настоящее время УГАТУ) в сентябре 1977 года и является преемником электромеханического факультета (ЭМФ). Основанный в 1968 году, ЭМФ вел подготовку дипломированных специалистов электротехнического, электромеханического и приборостроительного направлений [https://ugatu.su/aviet/].

Каждое из АГ имеет неодинаковый набор дешифровальных стимулов (далее – ДС) – «стереотипов расшифровки абброконструкта» [8, с. 19], т.е. слово или сочетание слов, являющееся эквивалентом абброконструкта и использующееся для его замены в эквивалентном словосочетании.

Обычно абброконструкт имеет несколько ДС. Например, для абброконструкта авто нами отмечаются ДС автоматический, автомобильный, для автомобиля, автоматизированный.

. Множественность ДС у одного абброконструкта обеспечивает возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры. Конечно же, для отдельно взятого ССС используются не все ДС входящего в её состав абброконструкта, а только те, которые «прогнозируются» её значением [9].

Совокупность ДС, которые отмечаются в одном гнезде эквивалентности (далее ГЭ), формирует дешифровальную матрицу (далее – ДМ) данного ГЭ. ДМ состоит из элементов, расположенных нелинейно: они «ветвятся» вокруг одного центрального слова – высшего элемента иерархии ДМ в ГЭ – такого текстового эквивалента ССС, который встречается чаще других в эквивалентных текстах.

Чаще высшими элементами матрицы становятся презентативные ДС (ПДС), т.е. ДС с обобщённой семантикой.

Такие ДС используются в любой ситуации номинации в качестве абсолютного эквивалента ССС и всех др. компонентов ГЭ (*авиаслужба – авиационная служба, авиатендер – авиационный тендер, автоадаптация – автоматическая адаптация и т.д.*).

ПДС отмечаются во всех ГЭ исследуемого нами аббревиатурного гнезда, чего не скажешь о интерпретативных ДС (ИДС), которые уточняют семантику аббревиатурного конструкта и являются маркированными компонентами в оппозиции к презентативному стимулу. ИДС подразделяются на две группы.

Модификационные ДС (МДС) – такие ДС, которые конкретизируют значение аббревиатуры, предоставляя ей возможность употребляться для номинации разновидностей обозначенного ею референта (*отряд армейской авиации – авиаотряд*).

Реляционные ДС (РДС) – такие ДС, которые «используют презентативные ДС с добавлением релятивной семантики» [3, с. 147]. Такие ДС актуализируют грамматическое значение падежа и числа (*авиаотряд – отряд для авиации*).

Итак, рассматриваемый в работе ономаσιологических классов в сложносокращённых словах с пометкой «неологизмы», выделено 51 единица. Было определено 7 подклассов («наименование лиц», «действие», «учебные учреждения», «отрасль», «пространственные объекты», «устройства», «организации») и такие ономаσιологические признаки как: «квалификатив», «посессив», «финитив» и «локатив». Среди них выделяются презентативные, реляционные и интерпретационные дешифровальные признаки. Значимость полученных результатов состоит в возможности их использования в вузовских курсах, посвящённых проблемам синхронного и диахронного словообразования, семантики, ономаσιологии, лексикологии, а также в лексикографической практике. На основе указанных ономаσιологических базисов и признаков более подробно раскрываются особенности употребления сложносокращённых слов неологизмов (в текстовых эквивалентах в рамках одного контекста).

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.

2. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул аббревиатуры: источники, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / Отв. ред. Е.Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. – Том 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 166–173.

3. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении /

В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8 - 12 июня 2017 г.): сб. науч. ст. в 2 т. Симферополь, 2017. – Т. 2. – С. 140–147.

4. Селиванова Е.А. Когнитивно-ономаσιологический аспект фразеологического семиозиса / Е.А.Селиванова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: Четвертые Жуковские чтения): материалы Международного научного симпозиума (Великий Новгород, 4-6 мая 2009г.) / [отв.редактор В.И.Макаров]. – Великий Новгород; НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 69-72.

5. Соснина Л. В. Адъективные композиты русского языка: структурный и

ономасиологический аспектыф: дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Соснина Людмила Васильевна. – Донецк, 2017. – 472 с.

6. Блюмина.О.В. Субстантивные композиты созначением процессуальности в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.02/ Блюмина Ольга Валентиновна. – Горловка, 2010. – 148с.

7. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). – Донецк: ДонНТУ, 2018. – С. 69–80.

8. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: Синхронный и диахрон-ный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

9. Бровец А.И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращённого слова / А.И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве. – Макеевка, 2016. – С.51–57.

10. Slovar.cc. – Режим доступа: <https://slovar.cc/lit/term/2145157.htm>

E.A. Zaybert

COMPLEXED ABBREVIATED NEOLOGISMS IN ONOMASIOLOGICAL CONSIDERATION

The work deals with complex abbreviated neologisms. For this, it becomes necessary to clarify such concepts: "neologisms" and "compound words". Determine the peculiarity of the onomasiological approach in the modern Russian language, which will allow you to see how exactly the act of nomination is carried out. Make a classification of abbreviated neologisms. Compile a deciphering matrix of onomasiological groups of complex abbreviated neologisms. This approach will allow us to consider how the abbreviated realities are classified in modern Russian.

Key words: *neologisms, abbreviated groups, onomasiological models, onomasiological classes.*

УДК 811.161.1.

В.А. Новоселова

Петрозаводский государственный университет

СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЭРГОНИМАХ ГОРОДА ПЕТРОЗАВОДСКА

Представленное исследование выполнено в русле перлокутивной лингвистики, предметом изучения которой является функциональная сторона языка. Роль языковых единиц, оказывающих эффективное воздействие на адресата в процессе коммуникации, вызывает интерес ученых различных специальностей: психологов, социологов, маркетологов, культурологов, лингвистов. В рамках этого направления рассматривается вопрос о прагматической функции рекламы как коммуникативной языковой разновидности. Актуализация этого жанра обусловлена экономическими

преобразованиями в России конца XX века: рыночная экономика вызвала необходимость стимулировать интерес потребителей в сфере продвижения товаров и услуг. Цель статьи – рассмотреть эргонимические синтаксические единицы, презентированные в визуально-вербальной наружной рекламе города Петрозаводска, в контексте современного ономастического пространства. В ходе исследования описываются грамматическая структура и семантика эргонимов, представляющих собой словосочетания и предложения, характерные для языка наружной рекламы, прослеживаются их жанрово-стилистические функции.

Ключевые слова: эргоним, ономастическое пространство, визуально-вербальная реклама, грамматическая структура, жанрово-стилистические функции.

Лингвистический интерес к эргонимам сопряжен с развитием предпринимательской деятельности в России и появлением многочисленных компаний, союзов, организаций, предприятий, учреждений, названия которых систематически пополняют корпус неологизмов. Термин *эргоним* получил кодификацию в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской и вошел в научный обиход в 1978 году [3, с.151]. В публикациях зарубежных исследователей это слово не имеет единой трактовки. Например, финский лингвист П. Хёблум к эргонимам относит названия религиозных организаций, административных территориальных единиц, образовательных учреждений, объектов культуры. Для номинации фирм, корпораций, торговых предприятий, товаров он использует словосочетание *коммерческое наименование* [8].

В современной отечественной лингвистике отмечается разноаспектный подход к исследованию эргонимических единиц в ономастическом пространстве. В работах Т.М. Юдиной они рассматриваются как феномены языковой культуры города Архангельска [7]. Т.В. Федотова описывает эргонимический материал с позиции аксиологического подхода к его осмыслению [6]. Т.О. Прокофьева акцентирует внимание на вопросах функционирования прецедентных онимов в эргонимии Тамбова [4]. В социолингвистическом ключе представлены названия городских предприятий и организаций Сургута Н.Н. Сафроновой и Т.А. Ермаковской [5]. Анализ структуры эргонимов, образованных неморфологическими способами, на примерах рекламной и коммерческой номинациях дается в статье Ф.Ф. Алистановой [1]. Представляет интерес публикация Ю.А. Завьяловой, в которой анализируются структурные особенности названий предприятий общественного питания городов Вены и Берлина [2].

Мы рассмотрим грамматическую структуру, семантику и жанрово-стилистические функции эргонимов, представленных в форме словосочетаний и предложений, отражающих языковые особенности визуально-вербальной наружной рекламы города Петрозаводска.

Словосочетание как эргонимическая единица

1. Субстантивные словосочетания.

1.1. Модель *существительное + прилагательное*.

В этом ряду эргонимов отмечаются названия номенклатурного характера, напоминающие вывески советского периода, с прямым указанием на сферу деятельности того или иного объекта, и образные, выполняющие прагматические функции, оказывающие стимулирующее воздействие на потребителя.

В номенклатурных номинациях согласуемое прилагательное выполняет информативную функцию, определяя специфику работы обозначенного предприятия: *Продуктовый магазин, Продовольственный магазин, Хозяйственный магазин, Хлебный*

магазин, Мясная лавка, Рыбная лавка, Косметический салон, Пивной бар, Вегетарианское кафе, Антикварный магазин.

Информация в названиях торговых точек может конкретизироваться: *Свежая рыба, Парное мясо, Горячая выпечка, Горячий хлеб, Газированная вода, Грузинская выпечка, Крепежные изделия, Строительные материалы, Мягкая мебель.*

Чтобы привлечь внимание потенциального потребителя и вызвать его доверие, составители рекламы нередко используют понятия семьи и дома, ассоциируемые с привычным укладом жизни человека, его повседневным бытом.

Семейный магазин – магазин, в котором можно купить недорогие товары для всей семьи.

Магазин Домашний – здесь продаются неизысканные, элементарные продукты питания.

Домашний магазинчик – сеть небольших предприятий розничной торговли разнопланового характера: товары для оформления домашних праздников, хозяйственные товары, семена, посадочный материал для сада-огорода.

В прилагательных *семейный, домашний* просматривается подтекстовая информация о тематической направленности состава товаров.

Привлекательными для рядового покупателя являются и такие номинации, как *Народный магазин, Любимый магазин, Магазин Экономный, Магазин Ближний.*

Особый интерес вызывают эргонимы, связанные с историей Карелии.

Мариинский магазин, в котором с 2015 года продаются товары только карельских производителей, является старейшим предприятием Петрозаводска. Мариинский магазин пользуется заслуженным авторитетом не только у жителей города, но и у гостей Карелии.

Название восходит к событиям конца XIX века. В 1884 году Петрозаводск посетили Великий Князь Владимир Александрович Романов с супругой Великой Княгиней Марией Павловной. В честь Августейшего визита улица Английская стала называться Мариинской (с 1918 года улица Карла Маркса), а набережная – Владимирской (ныне Онежская набережная). Магазин на Мариинской улице получил одноименное название – Мариинский.

Магазин Елисейевский (Гастроном № 2) был построен в Петрозаводске в 1950 году по проекту ленинградских архитекторов Д. М. Шпрайзера и К. А. Игнатова. Среди других городских зданий, преимущественно деревянных, он выделялся своей оригинальной архитектурой и элегантностью.

Свое название предприятие получило по аналогии с номинациями известных магазинов в Москве и Петербурге, построенных купцами Елисейевыми в 1901-1903 годах. Роскошные интерьеры, фешенебельные ресторанные залы и изысканный ассортимент товаров были по достоинству оценены богатыми посетителями начала XX века.

Эргонимы исторического характера выполняют когнитивную рекламную функцию, поскольку воздействуют на мыслительные процессы адресата, пробуждающие стремление к познанию.

Как правило, создатели наружной рекламы широко используют средства речевой выразительности.

Фермерская корзина – магазин отечественной продукции, осуществляющий как прямую реализацию товара, так и продажу его через сеть интернет.

В социально-экономической сфере общеупотребительное слово *корзина* расширило свои семантические границы и в настоящее время оно обозначает не только изделие из прутьев или дранки, но и набор товаров и услуг, необходимых для удовлетворения физиологических потребностей человека (*потребительская корзина*), а

также условный набор валют с целью установления курса национальной валюты (*валютная корзина*). *Корзина* в интернет-магазине – это страница, на которую клиент отправляет изображения и названия выбранных товаров с целью их приобретения.

Метафорическое название магазина содержит редуцированную информацию о специфике работы этого торгового предприятия.

Карельская горница – ресторан национальной карельской кухни. В меню представлены блюда древних карел, приготовленные с соблюдением специальных технологий. Уникальный дизайн интерьера погружает посетителя в атмосферу карельской избы. Ресторан напоминает музей: в каждом зале (горнице) воссоздана картина определенного периода многовековой истории Карелии, что объясняет использование синекдохи в эргонимическом названии.

Карельская усадьба – кафе-бар и ресторан в Петрозаводске с разнообразным меню, в котором заметное место отводится овощным и рыбным блюдам.

Метафорическое название указанных заведений общественного питания связано со стилизацией под старину их внутреннего интерьера с целью оказания аттрактивного воздействия на посетителей.

Омонимичное эргонимное наименование имеет и гостиничный комплекс в старинном селе/поселке Шуя близ Петрозаводска.

Нельзя не отметить, что предприятия и организации, в названиях которых прослеживается национальная карельская специфика, пользуются популярностью у туристов.

Необычные метафорические словосочетания в названиях городских объектов задерживают внимание потенциального потребителя и стимулируют его интерес, побуждая разгадать завуалированный смысл, например, ресторан *Белый кролик*, в котором можно заказать блюда Европейской, Итальянской, Русской, Японской кухни; кафе быстрого питания *Добрый сарацин*; клуб паровых коктейлей *Дымный Мишка*, рекламное агентство *Яркий город*.

В корпусе эргонимных наименований встречаются устойчивые словосочетания.

Первым делом – продуктовый магазин, торгующий необходимыми для повседневной жизни товарами. Фразеологизм имеет значение *прежде всего, сначала, самое главное*.

Червона Рута – небольшой продуктовый магазин, который до обострения отношений Украины с Россией торговал товарами украинского производства. В настоящее время это обычное предприятие розничной торговли.

Устойчивое словосочетание *Червона Рута* (Красная Рута) – это название цветка семейства рутовых, который, согласно закарпатской легенде, меняет желтый цвет на красный один раз в году – на праздник Ивана Купалы.

Эргоним ассоциируется с популярным в 60-70 годы украинским ансамблем Червона Рута, визитной карточкой которого была одноименная песня в исполнении Софии Ротару. Аллюзивная номинация создает позитивный настрой и привлекает посетителей.

В составе эргонимических номинаций модели *существительное + прилагательное* отмечаются окказиональные креолизованные словосочетания, в которых соединяются языковые единицы разных алфавитов – кириллического и латинского.

Толстый Goose – ресторан/кафе с широким ассортиментом национальных блюд разных народов, приготовленных из фермерских продуктов.

Метафорическое название дополняется изображением большого гуся на вывеске, что наглядно свидетельствует о том, что в меню ресторана используются только натуральные качественные продукты.

Good Крокодил – небольшое кафе, в меню которого предлагаются блюда Русской и Европейской кухни.

Интригующая вывеска с изображением неагрессивного крокодила привлекает внимание, вызывает интерес и активизирует желание человека воспользоваться услугами именно этого заведения общественного питания. Завуалированный смысл вывески можно понять, как приглашение сытно и вкусно поесть в доброжелательной атмосфере, которую создает приветливый персонал кафе. Есть также предположение, что в подтексте скрывается аллюзия к произведению Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья», герои которого, благодаря крокодилу Гене, подружились и перестали чувствовать себя одинокими.

Как показывают наблюдения, синтаксические конструкции словосочетания существительное + прилагательное активно употребляются в эргонимных номинациях города Петрозаводска.

1.2. Модель *существительное + существительное в родительном падеже*.

Номенклатурные названия, построенные по данной модели, с разной степенью конкретизации дают прямую информацию о сфере деятельности того или иного предприятия: *Магазин Мебели, Одежда для женщин, Одежда для мужчин, Одежда для детей, Запчасти для машин*.

Метафорические номинации, построенные по типу *существительное + существительное в родительном падеже*, часто взаимодействуют с гиперболой, усиливая эффект восприятия.

Мир Мебели – названия торгово-производственной компании, фабрики мебели, сети магазинов, осуществляющих продажу продукции указанного объединения.

Мир Дверей – многочисленные предприятия розничной торговли товарами одноименной компании.

Империя Вкуса – сеть продовольственных магазинов, дублирующих название торгово-промышленного объединения.

Страна игрушек – оптово-розничный магазин товаров для детей.

Метафорическая гипербола подчеркивает масштаб деятельности торгово-промышленных организаций и указывает на широкий ассортимент товаров, тем самым оказывая конативное воздействие на сознание потребителя.

В ряду метафорических эргонимных словосочетаний выделяются номинации эстетического характера.

Улыбка радуги – сеть магазинов косметики и товаров для ухода за собой.

Азбука Вкуса – сеть магазинов деликатесных продуктов в разных российских городах, популярных в среде гурманов.

Студия красоты, Салон красоты – косметологические заведения, в которых наряду с парикмахерскими услугами оказываются услуги по коррективке внешности человека.

Индустрия красоты – сеть розничных магазинов профессиональной косметики.

Метафорические эргонимы стимулируют его желание воспользоваться услугами рекламируемого предприятия.

В кругу рассматриваемых словосочетаний-эргонимов встречаются устойчивые фразеологические обороты.

Мелочи Жизни – магазин с широким ассортиментом товаров бытового назначения, необходимых для всей семьи.

Известный фразеологический оборот *мелочи жизни* обозначает *то, что не является существенным, на что не стоит обращать внимание*. С целью привлечения внимания потенциального покупателя составители рекламы употребили это устойчивое

выражение с противоположным смыслом, назвав так магазин, в котором продаются вещи, без которых на самом деле трудно обойтись в повседневной жизни.

Следует отметить, что популяризация выражения *мелочи жизни* с антитетическим значением восходит к одноименному произведению М. Е. Салтыкова-Щедрина, опубликованному в 1887 году. Это устойчивое словосочетание стало широко использоваться в названиях художественных фильмов, спектаклей, в текстах юмористических передач.

ZigZag Удачи – название интернет-магазина подержанных товаров.

Смешение букв кириллического и латинского алфавитов в известном фразеологизме задерживают внимание адресата и усиливают эмоциональное воздействие на него.

Это крылатое словосочетание вошло в корпус фразеологических оборотов в 1968 году после выхода в свет комедийного фильма «Зигзаг удачи». В современном русском языке оно имеет значение *неожиданное, случайное везение в чем-то*.

Фразеологизмы в основном используются в эргонимах как экспрессемы, способные создать позитивное отношение к объекту номинации, таким образом, выполняющие аффективную функцию.

2. Словосочетания с количественным компонентом.

В названиях вербальной наружной рекламы встречаются словосочетания, в которых функционируют письменные знаки разных семиотических систем. Обращают на себя внимание взаимодействие количественных числительных в цифровой записи со словами, представленными знаками алфавита.

1000 мелочей – сеть магазинов одноименной компании, в которых реализуются хозяйственные товары и продукция бытовой химии.

Количественное числительное используется как символ большого числа и разнообразия продаваемых товаров, что оказывает стимулирующее воздействие на покупателя.

7 дней – сеть магазинов, в которых продаются товары для дома.

Название содержит редуцированную информацию о том, что в магазине продаются товары повседневного спроса.

38 попугаев – 1) магазин детских игрушек; 2) фабрика детской мебели.

Аллюзия к серии добрых детских мультфильмов под названием «38 попугаев» создает позитивное отношение к объекту рекламы и вызывает доверие у покупателя.

Студия 360 – рекламно-производственная компания с широким спектром полиграфических услуг.

Ассоциация с единицей измерения окружности 360 градусов позволяет раскрыть конденсированную информацию рекламного сообщения: компания осуществляет радиально направленную разнообразную полиграфическую деятельность в рамках центрального (основного) профиля работы.

Эргонимическая номинация *Студия 360* оказывает когнитивное воздействие на адресата, активизируя его мыслительные процессы.

Бар ¾ – в котором готовятся блюда Русской, Карельской, Американской, Итальянской Кухни и подаются различные напитки.

В названии бара отражаются правила застольного этикета: молодые и обычные вина, имеющие до года выдержки, принято подавать в графинах или кувшинах, наполненных на $\frac{3}{4}$ объема, чтобы было удобнее разливать по бокалам.

Словосочетание с дробным числительным на вывеске коктейль-бара вызывает интерес потребителя своей нестандартностью и побуждает воспользоваться услугами этого заведения.

Как показывают наблюдения, для усиления эффекта воздействия, составители рекламы иногда используют прием сращения, создавая окказиональные композиты, в которых присоединяемая часть словосочетания выделяется прописной буквой.

ТриЯ – сеть магазинов мебели.

Композитное слово образовано по модели количественное числительное *три* + личное местоимение *я*.

Название связано с использованием 3D-программ для моделирования интерьера квартиры. Компьютерная трехмерная графика помогает рационально разместить предметы мебели в любом пространстве: кухни, гостиной, спальни и других помещений.

Эргонимное наименование выполняет здесь когнитивную функцию.

Предложение как эргонимическая единица

1. Двусоставные эллиптические предложения.

Вербально-визуальная реклама в Петрозаводске широко представлена семантически полными, но структурно неполными предложениями, в которых отсутствует сказуемое со значением нахождения, бытия, местоположения: *Пекарня на Пирогова, Магазин на улице Дружбы, Продуктовый магазин на Красноармейской улице, Продуктовый магазин на улице Ватутина, Шаверма на Гвардейской, Магазин хозтоваров на Лососинском шоссе.*

Указание на точное местонахождение объекта рекламы способствует активизации деятельности, направленной на приобретение товара.

2. Двусоставные неполные предложения.

Наш! – продуктовый магазин с доступными для массового покупателя ценами.

Неполное восклицательное предложение с опущенным подлежащим, которое восстанавливается по контексту: [*Магазин*] – *наш!* Пропуск подлежащего способствует актуализации сказуемого, тем самым повышается его информационная значимость.

Притяжательное местоимение *наш* помогает созданию позитивного отношения к объекту рекламы.

3. Двусоставные предложения с составным именным сказуемым.

Мебель на бис – сеть магазинов мебели в Петрозаводске.

Экспрессема *на бис* имеет яркое оценочное значение – товар отличного качества. Метафора вызывает ассоциацию с восклицательным междометием *бис* (лат. *дважды*), которое употребляется в театре или на концерте, когда восторженные зрители, высоко оценивая мастерство артиста, требуют повторного выхода его на сцену.

Рекламное сообщение выполняет суггестивную функцию – потребителю внушается мысль о реализуемой продукции высокого класса.

4. Двусоставное предложение с некоординированным сказуемым.

Время Клеить! – сеть магазинов с разнообразным спектром деятельности: продажа канцтоваров, детских игрушек, конструкторов для детей, товаров для новорожденных, часов и аксессуаров к ним, а также предоставление услуг по принтерной печати.

Восклицательное нераспространенное предложение отличается отсутствием координационной связи между подлежащим и сказуемым с определительным значением. Динамический синтаксис эргонима побуждает адресата к необходимому и быстрому принятию решений. Графическое выделение заставляет обратить внимание на вывеску вызывает у покупателя желание понять скрытый контекст.

5. Распространенное двусоставное предложение.

Рыба тут есть – магазин рыбы и рыбпродуктов.

Препозитивный хэш-символ показывает, что многокомпонентная номинация аналогична хэштегу, активно употребляемому в социальных сетях. Эргоним представлен простым предложением, единицы которого соединены графо-орфографическим знаком – нижним подчеркиванием. Структурированная информация позволяет дать четкую и точную информацию.

6. Односоставные безличные предложения с предикативным наречием.

Тесту Тесно – пекарня, где продаются хлебо-булочные изделия.

Распространенное безличное предложение метафорического характера с дательным субъекта создает в сознании потребителя картину поднявшегося на дрожжах пышного теста, из которого пекут мягкие вкусные булочки.

Графическое выделение слова категории состояния усиливает конативное воздействие эргонима на адресата.

7. Эмоционально-оценочные нечленимые предложения.

ВО!ВА! – магазин секонд-хенд с широким ассортиментом брендовой одежды и обуви

Эргонимическая номинация является нечленимым предложением, представленным незувальным композитом, который состоит из соединения двух восклицательных междометных предложений *ВО!* + *ВА!*, выражающих чувства восхищения и восторга.

Фонетическое сходство окказионального слова *ВО!ВА!* с мужским именем *Вова* усиливает эмоционально-экспрессивный характер рекламного сообщения и усиливает эффект позитивного настроения покупателя.

Как показывают наблюдения, в ономастическом пространстве города Петрозаводска широко используются эргонимы, представляющие собой словосочетания и предложения, соответствующие жанрово-стилистическим особенностям визуально-вербальной наружной рекламы. Они выполняют информационную, когнитивную, конативную, аффективную, суггестивную функции, пробуждая интерес потенциального потребителя и активизируя его желание приобрести продаваемый товар или воспользоваться предлагаемой услугой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алистанова Ф. Ф. Особенности образования современных эргонимов лексико-синтаксическим способом и аббревиацией / Ф. Ф. Алистанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 5 (71): в 3 ч. – Ч.1. – С. 56-58.

2. Завьялова Ю. А. Анализ структурных особенностей иноязычных эргонимов (на материале названий предприятий общественного питания городов Вены и Берлина) / Ю. А. Завьялова // *Litera*. – 2019. – № 1. – С. 20-25.

3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / под ред. А.В. Суперанской. / Н. В. Подольская. – Москва: Наука, 1978. – 200 с.

4. Прокофьева Т. О. Функционирование прецедентных онимов в Тамбовской эргонимии / Т. О. Прокофьева // *Вестник ТГУ*. – Тамбов, 2015. – № 6 (146). – С. 196-205.

5. Сафронова Н.Н., Ермаковская Т. А. Особенности эргонимии города Сургута в начале XXI века (на материале коммерческих эргонимов) / Н. Н. Сафронова, Т. А. Ермаковская // *Вестник угроведения*. – Ханты-Мансийск: Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 269-270.

6. Федотова Т. В. Репрезентация региональной идентичности в эргонимическом поле Кубани / Т. В. Федотова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2016. – № 6 (60). – С. 85-90.

7. Юдина Т. М. Эргонимы города Архангельска в лингвокультурном аспекте / Т. М. Юдина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2017. – № 9-1 (75). – С. 200-203.

8. Sjöblom, P. Multimodality of Company Names / P. Sjöblom // Onoma. –Peeters Publishers, 2008. – Vol. 43.

V.A. Novoselova

PHRASES AND SENTENCES IN THE ERGONYMS OF THE CITY OF PETROZAVODSK

The presented research is carried out in the framework of perlocutionary linguistics, the subject of which is the functional side of the language. The role of language units that have an effective impact on the addressee in the communication process is of interest to scientists of various specialties: psychologists, sociologists, marketers, cultural scientists, linguists. Within the framework of this direction, the question of the pragmatic function of advertising as a communicative language variety is considered. The actualization of this genre is due to the economic transformations in Russia at the end of the twentieth century: the market economy caused the need to stimulate consumer interest in the promotion of goods and services. The purpose of the article is to consider the ergonymic syntactic units presented in the visual-verbal outdoor advertising of the city of Petrozavodsk in the context of the modern onomastic space. The study describes the grammatical structure and semantics of ergonyms, which are phrases and sentences characteristic of the language of outdoor advertising, and traces their genre-stylistic functions.

Key words: *ergonym, onomastic space, visual-verbal advertising, grammatical structure, genre-stylistic functions.*

УДК 81'373.611

В.А. Рязанова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(научн. рук. – д-р филол. н., проф. В. И. Теркулов)*

ГИБРИДНАЯ АББРЕВИАТУРНО-КОМПОЗИТНАЯ ГРУППА: ПАРАМЕТРЫ ВЫДЕЛЕНИЯ

Статья посвящена исследованию аббревиатурно-композиционных гибридных групп русского языка, проводимому в рамках синхронно-эквивалентностного подхода к процессу универбализации. Рассмотрены основные понятия, выведенные в результате исследования. Обозначены свойства гибридного конструкта, которые выделяют его из совокупности подобных словообразовательных единиц.

Ключевые слова: *гибридный конструкт, гибридная группа, дешифровальный стимул, дешифровальная матрица, гнездо эквивалентности.*

Цель данного исследования состоит в выявлении специфических параметров гибридных групп русского языка, которые находятся на границе аббревиации и словосложения. **Объектом** исследования выступают гибридная группа и гибридный конструкт в синхронно-эквивалентностном рассмотрении. В качестве **материала** для исследования послужили гибридные гнёзда эквивалентности, вошедшие в I-й том «Словаря». В основе исследования лежит **синхронно-эквивалентностный подход** к универбализации, разрабатываемый Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория).

Среди единиц универбализации участниками Лаборатории рассматриваются аббревиатуры, композиты и юкстапозиты. Аббревиатура – «существительное, состоящее из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, не усеченным словом»: *велоспорт – велосипедный спорт* [12]. Универбализационный композит – единица, образованная в результате «предельной лексической конденсации словосочетания в слово без смысловых aberrаций, при которой опорный (последний) компонент равен целому слову, а предшествующий ему компонент (или компоненты) представляет собой чистую основу»: *нефтедобыча – добыча нефти* [5]. Юкстапозиты рассматриваются как единицы, являющиеся «примером чистой конденсации», для которых характерно соединение компонентов без соединительных гласных, стяжение словосочетания в одно слово, как правило, без изменения формы его составляющих: *быстропротекающий – быстро протекающий* [3, с. 133].

Согласно разрабатываемому подходу, сложное слово может быть эквивалентно не одному, а сразу нескольким словосочетаниям. Таким образом, вокруг слова формируется **гнездо эквивалентности**, которое определяется как «совокупность синхронно сосуществующих единиц, связанных со сложным словом мотивационными отношениями» и употребляемых с ним в так называемых эквивалентных текстах [11, с. 140].

Эквивалентность предполагает возможность словосочетания заменять сложное слово в контексте, смысл которого после замены остаётся неизменным. Такие словосочетания обозначаются термином **синтаксический эквивалент**. Например, для сложного слова *авиапроизводство* обнаруживается 14 синтаксических эквивалентов, регулярно используемых в эквивалентных текстах и соответствующих формально-семантической структуре сложного слова: *производство авиационной техники, авиационное производство, авиастроительное производство, производство авиации, авиатранспортное производство, производство авиатехники, производство авиалайнеров, производство двигателей для авиации, авиакосмическое производство, производство авиационных конструкций, производство авиаоборудования, производство авиаконструкций, производство авиационных запчастей, производство изделий авиатехники.*

Вариативное развёртывание сложного слова достигается в результате влияния **дешифровальных стимулов**, сложившихся в сознании носителей языка. Участники Лаборатории трактуют термин «дешифровальный стимул» как формальную модель, по которой слово развёртывается в эквивалентное словосочетание. В широком значении дешифровальный стимул понимается как «имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность дешифрования сложного слова тем или иным способом» [7, с. 199]. Кроме того отмечается, что дешифровальные стимулы предопределяют также «невозможность использования какой-либо модели развёртывания конкретного сложного слова. Вывод основан на анализе гнёзд эквивалентности, в которых обнаруживаются лакунарные позиции для предполагаемых словосочетаний-эквивалентов, формально-семантическая структура которых

характеризуется регулярностью для всей аббревиатурной группы слов» [9, с. 85]. Таким образом, дешифровальные стимулы представляют собой индивидуальные для каждого носителя языка параметры, предопределяющие условия развёртывания сложного слова в словосочетание.

Теоретические сведения, полученные Лабораторией, легли в основу создания «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» (далее – «Словарь»). Эквивалентный блок «Словаря» составлен на материале большого количества русскоязычных текстов, созданных множеством носителей языка. В обычных условиях индивид не способен охватить весь объём эквивалентных текстов для дальнейшего формирования собственных моделей интерпретации сложного слова. Эти критерии у каждого носителя языка формируются на основе индивидуального когнитивного опыта. Отсюда следует, что совокупность дешифровальных стимулов, отражённых в «Словаре», не может совпасть с дешифровальными стимулами конкретного пользователя – она всегда шире индивидуальных совокупностей. Влияние субъективного опыта на интерпретацию содержания компонентов «Словаря» может привести к ложным выводам об ошибочности синтаксических эквивалентов, которые в действительности успешно применяются носителями языка в интернет-пространстве.

В ходе работы над «Словарём» было также обнаружено, что некоторые сложносокращённые слова в сопоставлении с эквивалентами проявляют вариативную структурную трактовку при дешифровании. Речь идёт о двоякой интерпретации конструкта – начальной части сложного слова, присоединяемой к основной его части, которая при дешифровании развёртывается в компонент словосочетания.

Е. А. Дюжикова на материале сложных слов современного английского языка отмечает вариативность интерпретации композитов: «связь между базисом и признаком [в сложных словах] допускает иногда несколько прочтений. <...> Трудности анализа композитов могут быть объяснены тем, что обычно выражаемые при помощи предлогов отношения между словами переходят в разряд латентных, когда эти слова становятся компонентами сложного слова. Так, эксплицитно выраженное отношение назначения в словосочетании *kettle for fish* становится имплицитным в сложном слове *fish-kettle*, т.к. его можно понять как "котел с рыбой" или как "котел для рыбы", а *fish-sauce* – как "соус, сделанный из рыбы" и как "соус к рыбе"» [1, с. 118–119].

Е. А. Зайцева указывает, что ряд наименований лица могут совмещать признаки аббревиатуры и сложного слова. Например, слово *бандглаварь* может быть охарактеризовано как образованное по способу аббревиации (*бандглаварь* < *бандитский* + *главарь*) и как созданное способом сложения с нулевым интерфиксом (*бандглаварь* < *банд(а)* + \emptyset + *главарь*) [2, с. 942].

Таким образом, аббревиация и композитообразование могут трактоваться как разновидности одного процесса – универбализации [10].

Множественная дешифровка сложного слова в текстах может привести к тому, что его конструкты в некоторых случаях получают двоякую трактовку: например, как абброконструкт и как композитный конструкт. Под **абброконструктом** понимается сокращённый эквивалент слова, представляющий собой усечённую основу этого слова и повторяющийся в ряде сложносокращённых слов: *абонзал* – *абонентский зал*, *спорттовары* – *спортивные товары*. Под **композитным конструктом** понимается эквивалент слова, совпадающий с его основой, повторяющийся в ряде композитных слов, например: *золотодобыча* – *добыча золота*, *спорттовары* – *товары для спорта*. Исследователями Лаборатории используется также термин юкстапозитный конструкт. Под **юкстапозитным конструктом** понимается часть сложного слова, образованного путем сложения компонентов словосочетания независимо от типа синтагматической

релевантности единиц [4]: *метростанция* – станция метро; *киноблог* – блог о кино; *авторынок* – рынок по продаже авто и т.д.

Участниками Лаборатории выведен в отдельную категорию **гибридный аббревиатурно-компози́тный констругт** – это констругт сложного слова, который «совмещает в себе свойства и аббревиатурно-компози́тного констругта, и компози́тного констругта, синхронно эквивалентен нескольким словосочетаниям, построенным по разным моделям, а в соединении с базисным компонентом формирует слово, которое может трактоваться и как сложносокращенное, и как компози́тное» [6, с. 34]. Например, гнездо эквивалентности слова *драмтеатр* (около 3,5 млн. употреблений) содержит синтаксические эквиваленты *драматический театр* (около 1,9 млн. употреблений), *театр драмы* (около 1,4 млн. употреблений) и *драматургический театр* (около 10 тыс. употреблений).

Дешифровальный сервер Sokr.ru в качестве расчленённого эквивалента для слова *газоконденсат* предлагает одно словосочетание – *газовый конденсат*, тогда как составителями «Словаря» отмечается также использование эквивалентов *конденсат газа* (более 7 тыс. результатов запроса в Google) и *конденсат газов* (более 4 тыс. результатов).

Юкстапозитная трактовка определяется А. А. Рештаненко как «разновидность гибридно-аббревиатурной трактовки сложносокращенных слов, которая указывает на совпадение форм констругта и эквивалентов» [4, с. 309]. Также исследователь выделяет два типа юкстапозитной трактовки: простую, которая «подразумевают наличие 2 полнозначительных слов» (*кинофестиваль* – *фестиваль кино*) и сложную, в состав которой входит более двух полнозначительных слов (*киноклуб* – *клуб любителей кино*) [4, с. 310].

Дешифрование стимулы, которые задействованы при развёртывании сложного слова из гибридной группы, делятся на типы в зависимости от структурно-формальной трактовки гибридного констругта. Дешифровальный стимул относится в **аббревиатурному типу**, если он приводит к аббревиатурной трактовке констругта (*нефтевышка* – *нефтяная вышка*). В случае, когда констругт трактуется как компози́тный, применяется **компози́тный** дешифровальный стимул (*домовладелец* – *владелец дома*). В гнезде эквивалентности аббревиатурно-юкстапозитной группы помимо аббревиатурных применяются **юкстапозитные** дешифровальные стимулы: *кинофильма* – *кино* (*кинообзор: обзор кинофильмов, обзор кино*). Совокупность всех дешифровальных стимулов слова (собственно моделей, по которым происходит развёртывание элементов гнезда эквивалентности сложного слова) составляет его **дешифровальную матрицу** [8, с. 301]. Например, сложное слово *бандлидер* имеет дешифровальную матрицу из 10 дешифровальных стимулов следующей структуры: «у-х(прил)» (*бандитский лидер*), «у-х²ед» (*лидер банды*), «у-х²мн» (*лидер бандитов*), «у-х-а(сущ²)» (*лидер бандгруппы; лидер бандгруппировки; лидер бандформирования*), «у-z(сущ²)-х» (*лидер группы бандитов; лидер группировки бандитов*), «у-z(ад)+х» (*лидер бандитской группы; лидер бандитской группировки*).

Влияние аббревиатурных и компози́тных / юкстапозитных дешифровальных стимулов на гнезда эквивалентности сложных слов с гибридным констругтом неравномерно. В некоторых случаях гнезда эквивалентности не соответствуют условиям гибридности (двойственному дешифрованию констругта). В связи с этим внутри гибридной группы выделяется ядро и периферия.

К **ядру** гибридной группы относятся слова, гнезда эквивалентности которых полностью соответствуют критериям гибридности. Синхронные эквиваленты ядерных слов построены по дешифровальным стимулам разных типов и реализуют вариативность структурной трактовки констругта. К таким, например, относится

сложное слово *грузопоток*, имеющее эквивалентные словосочетания *грузовой поток* и *поток грузов*. В соотношении с первым синтаксическим эквивалентом конструктор слова трактуется как аббревиатурный; в соотношении со вторым – как композитный.

На **периферии** гибридной группы находятся «единицы, в гнездах эквивалентности которых представлен только один тип дешифровальных стимулов», как в гнездах эквивалентности сложносокращённого или композитного / юстапозитного слова [7, с. 199]. Сложное слово *ветроустановка* имеет регулярные синтаксические эквиваленты аббревиатурного типа: *ветроэнергетическая установка*, *ветровая установка* и *ветряная установка*; прогнозируемый лакунарный эквивалент композитного типа **установка для ветра* набирает незначительное количество употреблений (менее 100).

Периферия гибридной группы, в свою очередь, делится на аббревиатурную, композитную и юстапозитную – в соответствии с представленным в гнезде типом дешифровальных стимулов.

В соответствии с соотношением объёма ядра и периферии разграничиваются сбалансированные и несбалансированные группы. К **сбалансированным** относятся группы, в которых большая часть гнезд эквивалентности находится в ядре. К **несбалансированным**, соответственно, относятся группы, в которых преобладают периферийные гнезда эквивалентности. Например, в гибридной группе «дизайн» абсолютное большинство гнезд эквивалентности (79%) относится к ядру (*дизайн-агентство: агентство дизайнера, дизайнерское агентство*); оставшийся 21% гнезд находится на периферии по аббревиатурному типу (*дизайн-документ: дизайнерский документ, документ дизайнера*). Группа является сбалансированной. К несбалансированным можно отнести гибридную группу «ветро»: из четырнадцати гнезд эквивалентности четыре относятся к ядру (*ветробарьер – ветровой барьер, барьер от ветра; ветрозащита – ветровая защита, защита от ветра*). Остальные 10 гнезд эквивалентности группы характеризуются как периферийные аббревиатурного типа.

Предполагается, что гибридность конструктора в пределах одного гнезда эквивалентности образуется разными путями. При анализе **дешифровальных цепочек** (ДЦ; последовательности дешифрования слова в эквивалентные расчлененные единицы) в гнездах эквивалентности гибридных групп выявлено два способа формирования гибридности конструктора.

Первый способ – **параллельный** – свойственен всем рассмотренным гибридным группам (*банд, ветро, газо, дымо, домо, жир, нефть* и т.д.). В этом случае гнездо эквивалентности слова состоит из нескольких ДЦ, в каждой из которой используется один из типов ДС: *домовладелец – 1) владелец домохозяйства – владелец домашнего хозяйства; 2) владелец домов* (в первой цепочке задействован АДС: все её компоненты образованы путем сокращения слов; во второй цепочке задействован КДС). Статус конструктора внутри дешифровальных цепочек не изменяется. Гибридность конструктора проявляется при использовании в текстах элементов гнезда эквивалентности из разных дешифровальных цепочек.

Второй способ – **последовательный**. В дешифровальной цепочке на определенном этапе происходит замена ДС одного типа на другой, что приводит к изменению актуального статуса гибридного конструктора. Такой переход возможен во многокомпонентных дешифровальных цепочках, где конструктор формально соответствует последнему элементу или его компоненту: *нефтепоставки – поставки нефтепродуктов – поставки продуктов нефтепереработки – поставки продуктов переработки нефти*. В этом случае конструктор «нефте» в промежуточных звеньях трактуется как аббревиатурный, а в последнем – как композитный, поскольку он

структурно совпадает с признаковым компонентом словосочетания. Данный способ формирования гибридности встречается намного реже, чем параллельный, но именно он вызывает интерес, поскольку в ДЦ происходит взаимодействие двух явлений – аббревиации и словосложения.

Итак, новый синхронно-эквивалентный подход к процессу универбализации позволил выявить такие языковые явления, которые при традиционном подходе не могли быть обнаружены.

1. Дешифровальные стимулы являются источником возникновения альтернативных синтаксических эквивалентов сложного слова. Таким образом, сложное слово вступает в отношения текстовой эквивалентности не с одним словосочетанием, а с множеством эквивалентных единиц, образующих гнездо эквивалентности этого слова.

2. Дешифровальные стимулы влияют не только на количество синтаксических эквивалентов сложного слова, но и на качественные характеристики его гнезда эквивалентности. Наличие эквивалентов, построенных по разным моделям, обусловило существование гибридных конструкторов – языковых единиц, характеризующихся двойственностью трактовки при дешифровании. Двойственность заключается в возможности их одновременной идентификации как аббревиатур и как композитов/юкстапозитов в силу существования для них параллельных текстовых эквивалентов, в которых конструктор реализуется как часть основы эквивалентного слова, его основа и даже собственно слово. Из 450 конструкторов, входящих в словарь «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка», 80 нами отнесены к гибридным. Анализ функционирования гибридного конструктора представлен в работах донецких исследователей.

3. В работе рассматривались два типа дешифровальных стимулов – аббревиатурный и композитный. Неравномерность влияния разных типов дешифровальных стимулов на слова гибридной группы является причиной образования ядра и периферии гибридной группы.

4. Опыт анализа гибридных групп привёл к выводу, что действие дешифровальных стимулов на каждую языковую единицу происходит неупорядоченно, в результате чего каждая группа обладает специфичностью относительно своего состава и способа формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюжикова Е. А. Словосложение и аббревиация: сходство и различия (на материале современного английского языка) / Е. А. Дюжикова // Изв. Вост. ин-та. – 1995. – № 2. – С. 115–121.

2. Зайцева Е. А. Явления, переходные между аббревиацией и сложением (на материале наименований лица) / Е. А. Зайцева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, №2(4). 2014. – С. 941–943., с. 942.

3. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка: Монография. – 2-е изд., испр. – Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с.

4. Рештаненко А. А. Аббревиатурно-юкстапозитные гибридные гнезда / А.А. Рештаненко // Чтения молодых ученых: материалы IV Республиканской очно-заочной научно-практической конференции (Горловка, 12-13 апреля 2018 г.) – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИ», 2018. – С. 309–311.

5. Русская грамматика: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - Москва: Наука, 1980-1982.

6. Рязанова В.А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы / В.А. Рязанова // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2017. – № С. 33–37.
7. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица: модель описания / В. А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум. Том 2. – Симферополь, 2017. – С 198-204.
8. Рязанова В.А. Текстовые модели формирования структурных разновидностей эквивалентности мутантных (гибридных) композитов / В.А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – С. 301–306.
9. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как источник интерпретации сложного слова / В. А. Рязанова // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Москва, 2019. – С. 84 – 88.
10. Теркулов В. И. Композиты и сложнокращенные слова: о смежности явлений / В. И Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. – Симферополь: ООО «Антиква», 2016. – Ч. I. – С. 230–241.
11. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении /В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум. Том 2. Симферополь, 2017. С. 140–147.
12. Шведова Н.Ю. (гл. ред.) Грамматика современного русского литературного языка. Москва: Наука, 1970. – 76 с.

V.A. Riazanova

HYBRID ABBREVIATION-COMPOSITE GROUP: SELECTION PARAMETERS

The article is devoted to the study of abbreviation-composite hybrid groups of the Russian, that conducted as part of a text-equivalence approach to the process of universalization. The basic concepts formulated as a result of the research are considered. The properties which distinguish the hybrid construct it from the complex of similar word-formation units are denoted.

Key words: *hybrid construct, hybrid group, decryption stimulus, decryption matrix, equivalence nest.*

**ТИПОЛОГИИ НЕИНИЦИАЛЬНЫХ АББРОКОНСТРУКТОВ:
ФОРМАЛЬНАЯ, СЕМАНТИЧЕСКАЯ,
ДЕРИВАЦИОННО-ЭКВИВАЛЕНТНОСТНАЯ**

Работа посвящена представлению и описанию разновидностей неинициальных абброконструктов в рамках различных типологических парадигм – формальной, семантической и деривационно-эквивалентностной. В работе освещаются характеристики, свойства и особенности неинициальных абброконструктов, которые способствуют дифференциации таких единиц. Новизна исследования заключается в выделении ряда типов и подтипов аббревиационных конструкторов, существование которых ранее не устанавливалось в науке, в частности составных абброконструктов, а также агглютинативной и диффузной их разновидностей.

Ключевые слова: *сложносокращенное слово, неинициальный абброконструкт, составной абброконструкт, агглютинативный абброконструкт, диффузный абброконструкт*

Результатом процесса аббревиации, который представляется одним из самых продуктивных деривационных способов в современном русском языке, является образование лексических единиц с сокращенными эквивалентами слов в их структуре. «Часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [7, с. 74], например компонент *гос* в сложносокращённом слове *госревизия* (*государственная ревизия*), определяется термином **абброконструкт**.

Неинициальные АК получают особые типы трактовки в зависимости от проблемной парадигмы, в которую они вписываются при рассмотрении. Поэтому их изучение может быть осуществлено в различных аспектах аббревиации: формально-эквивалентностном, деривационном, семантико-ономасиологическом, коммуникативно-функциональном и т.д. **Целью** данного исследования является представление и описание разновидностей неинициальных АК в рамках формальной, семантической и деривационно-эквивалентностной типологии.

Представление различных типологий неинициальных абброконструктов является значимым во многих прагматических аспектах. Так, типологизация абброконструктов становится основой для обоснования закономерностей их функционирования: например, принципов дешифровки, множественности формально-эквивалентностных отношений, ономасиологической репрезентации эквивалентов, реализации семантических свойств и проч. Описание и классификация типов неинициальных АК подготавливает базу для представления в перспективе исследования развернутой типологии неинициальных аббревиатур.

В соответствии с целью необходимо решить ряд **задач**: 1) определить признаки, которые составляют основу формальной, семантической и деривационно-эквивалентностной типологии АК; 2) выделить и охарактеризовать различные типы неинициальных конструкторов; 3) обосновать существование тех или иных типов АК; 4) установить взаимозависимость типов абброконструктов и формально-ономасиологических разновидностей неинициальных аббревиатур; 5) обозначить проблемные места описания неинициальных АК и предложить собственное их решение.

Объектом изучения являются неинициальные АК русского языка, а **предметом** – их формальные свойства и характеристики, которые способствуют дифференциации таких единиц. **Материалом исследования** выступают аббревиатуры, содержащие неинициальные АК, и их актуальные синтаксические эквиваленты, собранные в Толково-эквивалентностном словаре сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь).

Теоретическая ценность исследования заключается в том, что предложенные в данном исследовании разноаспектные типологии неинициальных АК могут быть использованы в работах, посвященных анализу состава аббревиатур, описанию эквивалентностных отношений в гнездах эквивалентности аббревиатур. **Практическая ценность** работы заключается в возможности использования результатов исследования для прогнозирования эквивалентностных связей аббревиатур, содержащих различные типы АК, для составления дешифровальных матриц гнезд эквивалентности таких слов в процессе работы над Словарём.

Научная новизна работы состоит в выделении ряда типов и подтипов неинициальных АК, существование которых ранее не устанавливалось в науке, в частности составной разновидности таких АК, а также агглютинативной и диффузной их разновидностей. Хотя отдельные типы АК уже становились самостоятельными объектами изучения в работах ряда исследователей (В.И. Теркулова, В. А. Рязановой, А. И. Бровца, К. Ю. Емельяновой и др.), неинициальные АК в их формально-семантическом и функциональном разнообразии до сих пор не подвергались комплексному описанию в рамках типологических систем.

1. В основе **формальной типологии** аббревиатур лежит описание их формально-структурной и формально-эквивалентностной специфики. Формальные разновидности АК как конструктов аббревиатур могут характеризовать особенности: а) их собственной структуры; б) формального облика ССС, составной частью которых они являются; в) компонентов словосочетаний, которым они эквивалентны.

По сложности формальной структуры АК можно выделить простые и составные АК.

1.1 **Простые АК** – монолитные и неделимые единицы, эквивалентные одному слову в пределах эквивалентного словосочетания. Например, *гумпомощь – гуманитарная помощь, автопарковка – парковка для автомобиля.*

1.2 **Составные АК** – единицы, обладающие членимым многокомпонентным составом, соотносящиеся сразу с несколькими компонентами связанного с ССС словосочетания. Например, *военморфлот – военно-морской флот, гослесфонд – лесной фонд государства.*

У составных АК можно выделить несколько подтипов, которые характеризуют различные виды связи между составляющими его простыми компонентами.

1.2.1 **Собственно составные, или диффузные АК** представляют собой единые аббревиатурные комплексы из двух или более простых единиц, для которых возможна как дискретная (*автотехбаза – автомобильная техническая база*), так и интегрированная дешифровка (*автотехбаза – автотехническая база*). Во втором случае эквивалентом собственно составного АК зачастую может быть производящее существительное (например *автотехнический < автотехника*).

1.2.2 **Сложные, или агглютинативные АК** являются структурными объединениями нескольких конструктов разного типа в пределах ССС, поэтому не обладают вышеперечисленными признаками. В большинстве случаев этот тип представляет собой результат присоединения простого конструкта к составному для указания статуса объекта (например *автотехбаза > (гос)автотехбаза – государственная автотехбаза, государственная автотехническая база*). На основе

агглютинативных АК не образуются абброгруппы, так как они не представляют собой функционально-ономасиологического единства.

Сложность структуры составного АК приводит к необходимости выделения новых формальных подтипов наряду с уже существующими, классифицирующими простые абброконструкты. Как правило, это оказываются промежуточные или количественно-уточняющие подтипы, так как составные АК с внешней стороны представляют собой гибриды простых конструктов, и их формальные особенности определяются соотношением характеристик сочетаемых в них единиц.

Количество конструктов, которые входят в составной АК, зачастую определяется типом аббревиатуры. Так, в пределах частично сокращенных апеллятивов практически все составные АК включают в себя две простых единицы, например *агрометео* (*агро/метео/пост* – *аграрный метеорологический пост*), *виншампан* (*виншампанкомбинат* – *комбинат шампанских вин*) и т.д. Во втором томе Словаря зафиксировано лишь несколько частично сокращенных апеллятивов, содержащих три простых единицы: *гос/сорт/сем/фонд* – *государственный фонд сортовых семян*, *гор/сан/эпидем/станция* – *городская санитарно-эпидемиологическая станция*.

В зависимости от наличия или отсутствия интерфикса *-о* или *-е* неинициальные АК классифицируются на интерфиксные и безынтефиксные единицы.

1.3 АК можно определить как **интерфиксные**, когда в их абсолютном конце присутствуют фонемы *-о* или *-е*, которые отсутствуют в структуре их формальных дублетов. Например, таковым выступает АК *бензо*, поскольку в эквивалентных ему словах *бензин*, *бензиновый* и др. нет фонемы *о*.

Абброконструкты составного типа в силу своей многокомпонентной структуры могут содержать несколько интерфиксов, поэтому дополнительно подразделяются нами на единицы:

1.3.1 с одним интерфиксом (например, *горэлектр* (*гор/электр-о/сеть* – *городская электрическая сеть*));

1.3.2 с двумя интерфиксами (например, *вибрэлектр* (*вибр-о/электр-о/двигатель* – *вибрационный электрический двигатель*));

1.3.3 потенциально – с более чем двумя интерфиксами, в зависимости от количества составляющих их простых конструктов.

1.4 У **безынтефиксных** конструктов конечные фонемы *-о* или *-е* также обнаруживаются в структуре их развернутых эквивалентов, как, например, у АК *агло* (*агломерационный*, *агломератный*, *агломерированный*) и т.д.

Для ряда АК (например, *агро*, *броня*) возможна двойственная трактовка – как интерфиксного в одних случаях, и как безынтефиксного – в других. Это может объясняться:

1) соответствием АК сразу нескольким семантическим классам эквивалентов, сопоставление с которыми придаёт ему различный формальный статус (*агро* – *аграрный / агрономический*: *агродело* – *аграрное / агрономическое дело*);

2) тем фактом, что при сопоставлении АК и его эквивалента с интерфиксом может фонетически совпадать начальный звук следующей за корнем сокращаемого слова морфемы (например, *броня* – *брон-ев-ой*: *броняавтомобиль* – *броневой автомобиль*), однако такое совпадение будет отсутствовать при сопоставлении АК с другими эквивалентами (*броня* – *брон-ир-ова-нн-ый*: *броняавтомобиль* – *бронированный автомобиль*).

Различные способы формальной трансформации компонентов словосочетаний в процессе аббревиации обуславливает существование инвариантного и представленного фонетическими вариантами типов неинициальных АК.

Кроме понятийной сферы, «формируемой семантикой регулярных развернутых эквивалентов» [6, с. 104], отмеченной у абброконструктов В.И. Теркуловым, за ними закрепляется также стереотипное формальное выражение совокупности их регулярных развернутых эквивалентов. Например, АК *авто* не только в смысловом, но и формальном отношении репрезентирует в языке такие словесные эквиваленты, как *автомобильный, автомобиль, автотранспортный* и т.д., которыми он потенциально может быть замещён при дешифровке.

1.5 **Инвариантные АК** имеют в языке только одно формальное выражение, например *авиа* (*авиабаза, авиабригада, авиавыставка*, т.д.), *агро* (*агробизнес, агроинженер, агротехкружок*, т.д.), *доп* (*допвзнос, допвремя, допвыборы*, т.д.) и др.

1.6 **АК, представленные фонетическими вариантами**, имеют несколько способов формального представления его эквивалентов. Так, при трансформации словосочетания с компонентом *метеорологический* в ССС часть носителей заменит его с помощью АК *мет*, а часть – посредством АК *метео*. Формальные (фонетические) варианты возникают у абброконструкта:

1) Вследствие различных способов сокращения эквивалентного слова: *авиационный метеорологический центр* – *авиаметеоцентр, авиаметцентр; городская санитарно-эпидемиологическая станция* – *горсанэпидстанция, горсанэпидемстанция*.

2) За счёт присоединения к АК интерфикса: например *гос/кон: госконзавод, госкон-езавод* – *государственный конный завод* и др.

3) В редких случаях вариативного написания АК, когда у него появляются графические варианты, например *арома* – *аромо* (*аромамасло (аромомаасло) – ароматическое масло*). Как правило, нормативным признается наиболее употребительный вариант (в данном случае вариант *арома* указывается справочно-информационными порталами, например gramota.ru, как единственно правильный, а *аромо* – как ошибочный).

Фонетические варианты составных АК отличаются, как правило, формой одного из простых конструктов в их составе: ср. *адхоз* и *админхоз* (*адхозотдел, админхоз – административно-хозяйственный отдел*).

Способ дешифровки неинициального абброконструкта определяет структурный тип эквивалентности аббревиатуры и словосочетания – прямой или не прямой, в зависимости от совпадения или несовпадения их структуры, порядка и количества элементов. Прямой или не прямой тип формальной эквивалентности можно определить не только для ССС, но и для АК составного типа, которые, в отличие от простых АК, обладают порядковым и компонентным параметрами.

В соответствии с *типом компонентного и синтагматического соответствия ССС и эквивалентного ему словосочетания* выделяются следующие эквивалентностные типы составных АК:

1.7 **АК, характеризующиеся прямой эквивалентностью**, когда структура конструкта релевантна структуре эквивалентных ему единиц (как в паре *автотехсервис* — *автомобильный технический сервис*).

1.8 **АК, характеризующиеся компонентной эквивалентностью**, в которых сохраняется порядок следования компонентов, но количественно конструкт проще или сложнее своего дублета (*женпед* — *женский педагогический институт* (количественное несовпадение в пользу словосочетания); *вибр-о/шлиф/машина* — *вибрационная шлифовальная машина* (количественное несовпадение в пользу аббревиатуры, в которой содержится интерфикс *о*).

1.9 **АК, характеризующиеся метатезной эквивалентностью**, когда порядок компонентов конструкта иной, чем в дублете, но количественно они тождественны:

автовоздухоотводчик – автоматический воздухоотводчик (прямая эквивалентность), *автоматический отводчик воздуха* (метатезная эквивалентность).

1.10 АК, характеризующиеся компонентно-метатезной эквивалентностью: и порядок, и количество элементов конструкта не совпадает со структурой дублета. В большинстве случаев между аббревиатурой с составным АК и словосочетанием происходит количественное несовпадение в пользу последнего, например *авиаметобеспечение – метеорологическое обеспечение гражданской авиации* (в аббревиатуре опускается *гражданской*).

2. В основе семантической типологии аббреконтруктов лежит описание особенностей семантического представления ими компонентов словосочетаний. АК представляет собой не только формальный компонент ССС, который позволяет сопоставить его со словосочетанием, но и особый семантический компонент, посредством которого осуществляется лексическая интерпретация аббревиатуры. Например, в зависимости от способа дешифровки АК *авто* в ССС *автокаталог* это слово может обозначать как каталог автомобилей, так и каталог автозапчастей или автоаксессуаров, а также товаров для автомобиля в целом.

По типу ономаσιологического соответствия компонентам словосочетания выделяются АК:

2.1. эквивалентные базисному компоненту (*завотделом – заведующий отделом, заведующая отделом; комдивизией – командующий дивизией; жилком – жилищный комитет*).

2.2. эквивалентные признаковому компоненту (*авианалёт – авиационный налёт, налёт авиации; автокредит – кредит на авто, кредит на автомобиль, автомобильный кредит; генмор – морской генеральный штаб*).

По типу семантической интерпретации при дешифровании АК подразделяются на:

2.2 **однозначные**, обнаруживающие стереотипные варианты дешифровки, семантически относящиеся к одному классу, например *дым(о) – дым, дымовой, дымообразующий* (*дымоанализатор – дымовой анализатор, анализатор дыма*).

2.3 **симультаные**, для которых свойственна множественность семантической трактовки. Для АК такого типа в языке существует несколько актуальных синтаксических коррелятов, например **арт** (*артезианский – артиллерийский – артистический*), **гео** (*географический – геологический*), **арх** (*архитектурный, архитекторский – археологический – архивный*) и др.

Симультанты выделяются А.И. Бровцом, который выводит следующие подтипы таких АК (см. [1]):

2.3.1 **абсолютный симультант** – омонимичная единица, связанная с различными референтами, в силу чего представляет в языке несколько классов семантических эквивалентов (*авто: ‘автомобиль’ (автокресло – автомобильное кресло) – ‘автомат’ (автокормушка – автоматическая кормушка)*).

2.3.2 **включенный симультант** – АК, связанный с одним референтом, для которого имитируется множественность семантики. В большинстве случаев эквивалентами включенных симультантных АК выступают паронимы, например *электро – электрический и электронный (электрогитара – электрическая гитара, электронная гитара)*.

Так как функционирование составных АК определяется соотношением характеристик, – в частности, семантических – сочетаемых в них единиц, то, соответственно, симультантная трактовка переносится и на составной тип конструкта: ср., например, *автогидроподъёмник – автомобильный / автоматический гидроподъёмник* (абсолютная симультантность); *автоэлектроподжиг* –

автоматический электрический / электронный поджиг (включенная симультанность).

3. В основе **деривационно-эквивалентностной типологии** абброконструктов лежит описание их функциональной специфики, то есть представления ими особенностей образования аббревиатур. Неинициальный АК является функциональным компонентом ССС, который позволяет сопоставить его с эквивалентными словосочетаниями и обуславливает языковую специфику аббревиатуры как единицы, которая потенциально может быть подвергнута дешифровке. Неинициальные конструкторы могут иметь несколько разноструктурных эквивалентов, сопоставление с которыми по-разному определяет их деривационный статус.

По качеству «представления» синтаксических эквивалентов выделяются:

3.1 **аббревиатурные** конструкторы – единицы, равные части основы эквивалента (например *бортпаёк – бортовой паёк*).

3.2 **композиционные** конструкторы – единицы, равные основе эквивалента (например *виноторговля – торговля вином*).

3.3 **юкстапозиционные** конструкторы – единицы, целиком равные эквиваленту, представленному неизменяемым словом (например *аудиорелиз – релиз аудио, автоаксессуары – аксессуары в авто*).

3.4 **мутантные** конструкторы, выделенные В.А. Рязановой (см. [3]) – единицы, которые могут трактоваться при помощи эквивалентов одновременно и как абброконструкторы, и как композиты или юкстапозиции (например *газ-о/конденсат – газовый конденсат / конденсат газа* (абброконструктор и композит); *евро/вклад – вклад в евро / вклады в европейских банках* (абброконструктор и юкстапозиция)).

По роли в процессе образования аббревиатур АК могут получать различные деривационные статусы, впервые выделенные В.И. Теркуловым (см. [5]).

3.5 **Абброэквивалент** – АК, являющийся сокращенным дублетом слова исходного словосочетания, подвергшегося универбализации (синтаксической компрессии). Выступает в ССС как элемент, связывающий аббревиатуру с производным для неё словосочетанием. Таким образом, абброэквивалент получает конкретную лексическую семантику, которая закладывается у него на основании формально-семантического дублирования другого слова: *поездка на автомобиле > автопоездка*.

1) **Абброморфема** – морфематизированный АК с ассоциативной семантикой, возникший на базе абброэквивалента и используемый при квазиаббревиации, т.е. вне связи с какими-либо словосочетаниями, путём непосредственного присоединения к слову абброконструктора: например, *биосфера > биологическая сфера*. Семантика, которую абброморфема получает в пределах конкретной квазиаббревиатуры, зачастую не обнаруживается в словарной дефиниции слова, в пределах которого она реализуется.

2) **Абброаффиксид** – конструктор квазиаббревиатур, выделенный в рамках данной классификации К.Ю. Емельяновой (см. [2]), который не обнаруживает в языке вторичных синтаксических коррелятов, например *авиапутешественник, авиатурист >*.

Такие единицы определяются как «упрощённые» разновидности абброморфемы» [2, с. 207], так как образуются путём прямого присоединения абброконструктора к слову (обычно простому). Однако в отличие от абброморфем абброаффиксиды не способны продуцировать в языке синтаксические корреляты для квазиаббревиатур.

Подводя итоги исследования, следует сделать вывод, что тип абброконструктора зачастую формирует специфику аббревиатуры на различных уровнях, то есть может обуславливать её формальные, семантические, функциональные особенности.

Вследствие наличия характерных признаков структуры, значения и проч. неинициальные аббреконтрукты были типологизированы и описаны нами в плоскости трёх основных парадигм их изучения в науке: формальной, семантической и деривационно-эквивалентностной. Неинициальные АК подверглись классификации на основании сложности их структуры, особенностей формальной реализации, формально-структурной эквивалентности, ономаσιологического соответствия компонентам словосочетания, типа семантической интерпретации при дешифровании, качественных структурных моделей их эквивалентов, деривационного статуса. Типы АК выделяются исходя как из их собственной структуры (структурные типы), так и на основе их соотношения с формальными характеристиками аббревиатуры (формально-структурные типы), компонентами словосочетания (формально-эквивалентностные, семантические и деривационно-эквивалентностные типы), спецификой связей между аббревиатурой и словосочетанием (деривационные типы).

Набор типологических характеристик АК частично закладывается формально-ономаσιологическим типом самой аббревиатуры, в состав которой он входит: частично сокращённого слова, слоговой или инициально-слоговой единицы.

Выделение у неинициальных АК сложной разновидности привело к усложнению классификации формальных типов таких единиц, появлению гибридных подтипов в рамках не только формальной, но также семантической и деривационной типологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А. И. О симультанных аббреконтруктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2016 г.) : сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т.1. – С. 41-52.
2. Емельянова К. Ю. Типологические черты абброаффиксоидов как сокращённых конструкторов аббревиатур / К.Ю. Емельянова // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 207-213.
3. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица мутантной группы: модель описания // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2 – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 198-204.
4. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.
5. Теркулов В. И. Типология сокращённых компонентов аббревиатур / В. И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127-134.
6. Теркулов В. И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 97-112.
7. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. – М., 2017. – Серия 9: Филология. – № 6. – С. 73-97.

TYOLOGIES OF NON-INITIAL ABBROCONSTRUCTS: FORMAL, SEMANTIC, DERIVATION-EQUIVALENCE

The work is devoted to the presentation and description of the varieties of non-initial abbroconstructs within different typological paradigms – formal, semantic and derivational-equivalence ones. The work highlights the characteristics, properties and features of non-initial abbroconstructs that contribute to the differentiation of such units. The novelty of the research lies in the identification of a number of types and subtypes of abbreviation constructs, the existence of which hasn't previously been established in science, in particular, it is a composite abbroconstruct and its agglutinative and diffuse subtypes.

Key words: *abbreviations compounds, non-initial abbreviated construct, complex abbroconstruct, agglutinative abbroconstruct, diffuse abbroconstruct.*

УДК 81'42

Е.С. Яблуновская

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ)

В статье рассматриваются словообразовательные особенности окказиональной лексики, функционирующей в текстах современной периодики. В частности, проанализирована их словообразовательная структура, а также выявлены наиболее регулярные и продуктивные способы образования таких единиц. Актуальность темы обусловлена необходимостью адекватной интерпретации окказионализмов в текстах массмедиа. Именно словообразовательная структура таких наименований зачастую позволяет правильно определить их содержание. В ходе исследования были определены наиболее частотные способы словообразования окказиональных лексических единиц, а также установлены особенности их морфемного состава.

Ключевые слова: *окказионализм, словообразование, морфемная структура, публицистика.*

Актуальность работы обусловлена широким распространением окказиональных единиц в средствах массовой информации, в частности в печатных изданиях. Их особенная структура и семантика нуждается в тщательном описании и анализе для адекватной интерпретации таких неустоявшихся единиц. Представлено достаточное количество лингвистических работ, посвящённых рассмотрению словообразовательных особенностей данных единиц, среди которых можно отметить работы Е.А. Земской, И.С. Улуканова; анализу структуры их значения, представленных исследованиями А.Г. Лыкова; ономаσιологическому анализу, осуществлённому в трудах Е.С. Кубряковой.

Однако несмотря на наличие большого количества работ, посвящённых вопросам окказиональности, интерес к ним продолжает расти. Данный факт обусловлен самой спецификой представленных слов, которая позволяет проследить современные языковые тенденции и представить язык в динамике.

Цель нашей работы заключается в словообразовательной характеристике окказиональных единиц в современной публицистике путём выявления их структурно-семантических особенностей, а также способов их образования.

Объектом исследования являются окказионализмы, извлечённые из современных газетно-публицистических текстов. Материалом исследования послужили окказиональные новообразования, отобранные из популярных периодических изданий последних десятилетий (с 2005 – по 2021гг.), в частности, таких как «Известия», «Эксперт», «РБК Daily», «Tatler», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и др. В ряде случаев привлекались и другие источники, представленные в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>). Для данных источников создание и использование окказионализмов является характерной чертой их идиостиля. Словарная картотека данной работы представлена 120 окказиональными единицами.

Активизация словотворчества в языке современного периода наглядно демонстрируется собранным материалом. Словообразовательные процессы в современном русском языке отличаются высокой активностью и динамизмом, что особенно ярко представлено в публицистическом стиле, на страницах периодических изданий. В языке СМИ мы можем обнаружить как нейтральную лексику, так и экспрессивно окрашенные элементы (окказионализмы, жаргонизмы и др.), которые нуждаются в детальной проработке и анализе.

Окказиональные слова (лат. *occasio* - «случайность», фр. *occasionnel* – «случайный») – «это «одноразовые» лексические единицы (часто индивидуально-авторские), лишённые воспроизводимости, а значит, и исторической протяжённости своего существования» [5, с.422]. Окказионализмы представляют собой речевые явления, возникновение и функционирование которых обусловлено определенным контекстом. Они являются особыми элементами лексической системы русского языка, противопоставленными узуальной лексике. Являясь фактами речи, окказионализмы тем не менее реализуют возможности самой языковой системы, прогнозируя тенденции её дальнейшего развития.

Впервые данный термин был использован Н.И. Фельдман в статье «Окказиональные слова и лексикография» и интерпретировался автором как «слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, а также по окказиональной (речевой) модели и созданное на определенный случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной» [8]. В современной лингвистической литературе можно встретить целый ряд наименований данного понятия: поэтические новообразования, авторские слова, индивидуальные слова, индивидуально-авторские новообразования, индивидуально-авторские неологизмы, стилистические неологизмы, контекстуальные образования – каждое из которых создает различное представление о данных единицах в современных лингвистических концепциях.

Разного рода новообразования чаще всего можно встретить на страницах периодических изданий. Практически в любых газетах и журналах в большей или меньшей концентрации присутствуют неологизмы и окказиональные слова. Такое положение вещей обусловлено самой спецификой прессы как источника, отражающего современное состояние языка.

Публицистические тексты обладают своей неповторимой спецификой, реализующейся за счёт сочетания в пределах одного стиля по сути противоположных явлений. Так, они объединяют стандарт и образность, оценочность и доказательность, логичность и эмоциональность и др. Публицистический стиль использует максимум языковых средств и способов достижения повышенной экспрессивности высказывания. Именно в языке прессы отражаются изменения во многих сферах жизни.

Медиадискурс, традиционно соотнесенный с публицистическим стилем, обладает характерными чертами, которые принципиально отграничивают его от других

функциональных стилей, в частности «неизбежной социально-субъективной обусловленностью оценивания обнародованных событий и воздействием на массового адресата» [2, с.11]. Однако несмотря на ряд особенностей современному газетно-публицистическому стилю свойственен так называемый «абсорбационный характер», который, по мнению М.Войтак, реализуется в том, что «он открыт другим дискурсам и он эти дискурсы впитывает, делая их объектом репрезентации, значит, также источником тематики, форм передачи и языковых средств» [1, с.11]. Действительно, в данном стиле присутствует органичное объединение абсолютно разнородных явлений, например, включение в текст публицистических статей лексики разной стилистической направленности (книжной, разговорной, просторечной, жаргонной). Все это объясняется единой задачей «любыми способами установить и продолжить устойчивую связь в среде общающихся, обеспечить протекание коммуникативного процесса» [1, с. 189]

Еще одна характерная черта публицистики – это «открытость» её словаря, которая определяется рядом факторов. Прежде всего воздействие оказывают экстралингвистические факторы, которые детерминируют наличие в публицистике разнообразия тем, оказывающихся в фокусе внимания журналистов. Такое разнообразие обусловлено отсутствием как таковой цензуры и децентрализацией информации, то есть «открытие» многих источников информации, ранее закрытых.

С точки зрения воздействия внутренних факторов (интралингвистических), то надо отметить, что решающую роль играет творческая индивидуальность автора, которая находит свое выражение в выборе тех или иных выразительных средств. Так, автор текста стремится вовлечь аудиторию в излагаемые события, для чего использует экспрессивные, эмоционально окрашенные и стилистически маркированные средства.

Рассматриваемые нами периодические издания репрезентируют ряд базовых тем, вообще свойственных публицистике. Среди них можно выделить политическую («Известия»), экономическую («РБК Daily»), социальную («Московский комсомолец», «Аргументы и факты») и светскую («Tatler») темы. Такое разнообразие тем позволяет более комплексно представить картину словарного состава публицистического стиля, а именно реализацию в нем окказиональных единиц.

Можно выделить три основных стандартных способа создания окказионализмов, которые представлены в традиционном словообразовании и были обозначены еще академиком В.В. Виноградовым. К ним относятся: 1) лексико-семантический, 2) лексико-синтаксический, 3) морфологический.

Лексико-семантический способ образования заключается в изменении значений уже существующих слов, то есть демонстрирует распад слова на омонимы. Такой процесс переосмысления уже существующих слов достаточно продуктивен при образовании окказиональных единиц и является ярким средством иронии: *Появился еще один **подберёзовик*** (человек Б. Березовского). Переосмысление может реализоваться в виде разложения словоформы на составляющие и переосмысления этих частей: ***юлинь** // Украине опять юлинь? Первыми шагами Тимошенко станут популистские меры: пересмотр итогов приватизации и возвращение населению сгоревших банковских вкладов* (Аргументы и факты, №41, 2007).

Основным же при образовании окказионализмов, как и канонических слов, является морфологический способ, что подтверждается многочисленными лингвистическими исследованиями (Е.А. Земской, Р.Ю. Намитоковой, Р.Н.Поповой и др.) При таком способе создание окказиональных единиц базируется на известных словообразовательных моделях, что упрощает их восприятие и интерпретацию. Например, словообразовательный суффикс *-ист-* активно используется для образования наименования лиц по профессии (*тракторист, таксист, программист*),

по роду деятельности, занятости или увлечению (*автомобилист, портретист, активист, аквариумист, аквалангист*). Этот же словообразовательный элемент активно используется при образовании окказионализмов, сохраняя своё значение – наименование лица: **джихадист** // *В четверг джихадисты ИГ вышли на восточную окраину соседнего с Пальмирой города Тадмур, но затем их наступление было остановлено сирийской армией* («Эксперт», 2015); **спецслужбист** // *Сюда входят не только берущие взятки чиновники и спецслужбисты, но и игриво обличающие их проворные журналисты, взывающие к вечным ценностям мастера культуры, и гламурные вертухаи, ежедневно выносящие приговор режиму на тщательно охраняемых властями фуришетах* (Комсомольская правда, 2014.06.17); **оранжист** // *Еще в 2005 году он был в первых рядах харьковских оранжистов вместе с нынешним министром внутренних дел Арсеном Аваковым, а через пару лет уже переметнулся в Партию регионов* (Известия, 2014.04.28); **бакенбардист** // *Оно включает в себя и усачей и бакенбардистов* (Комсомольская правда, 2014.04.05); **гаражист** // *По мнению Леонида Поповича, предоставление льгот микровиноделам не будет востребовано даже самими «гаражистами»* (РБК Дейли, 2014.03.18); **каддафист** // *Ливия договорилась с Нигером о выдаче сына полковника, опасаясь, что он будет знаменем каддафистов. Нигер 6 марта выдал Ливии Саади Каддафи, второго сына Муамара Каддафи, который в сентябре 2011 года, за месяц до падения режима его отца, скрылся в центре Сахары, где граничат Ливия и Нигер* (Известия, 2014.03.06); **флиртист** // *Они отлавливали «флиртистов», проводили с ними душевные беседы и заставляли раздавать прохожим листовки о христианском браке, целомудрии и необходимости запрета абортотв. Но беседы и листовки не помогли* (Известия, 2014.01.27). Однако при образовании некоторых из перечисленных окказионализмов, поменялся характер производящей основы. Так, образование узуальных лексем при помощи данного суффикса характеризуется тем, что в основу наименования кладется нарицательное имя (*танк>танкист; пейзаж>пейзажист*). Рассмотренные же нами окказионализмы могут быть образованы от собственных имен и обозначают человека, придерживающегося взглядов лица, названного производящей основой: *Муамар Каддафи>каддафист*.

Самым продуктивным в рамках морфологического способа является аффиксация, представленная такими разновидностями, как:

1) префиксация: **контрсанкции** // *Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган назвал решения Вашингтона «насилием над турецким народом» и пообещал ввести контрсанкции* (Коммерсант, 2019.12.25); **мегаласты** // *Там же гостей праздника ожидают командные лыжи, бег в мегаластах, бег в трио-итанах, огромная рогатка Angry birds, бег в гусенице, скачки на надувных лошадях, борьба сумо, гигантские шашки, открытые уроки по танцам и фитнесу и настольный теннис* (Известия, 2014.07.01); **мегагрант** // *В качестве позитивного примера приглашения иностранцев в Россию он назвал реализацию программы мегагрантов, в рамках которой у российских студентов, молодых преподавателей и аспирантов появилась возможность напрямую учиться у звезд мировой науки* (Известия, 2014.06.23);

2) суффиксация: **кликабельный** // *Не порадовав людей в телеграме кликабельными откровениями друг о друге.* (Tatler №2 (февраль 2021);

3) префиксально-суффиксальный способ: **нерукопожатное** поведение // *Так что The Daily Telegraph сообщила: один из крупных британских бизнесменов брал с сотрудников подписки о неразглашении и платил семизначные суммы за молчание по поводу домогательств, запугивания, расистских комментариев и иного нерукопожатного поведения* (Tatler, январь 2019).

4) префиксально-постфиксальный: **нагулгиться, нажироваться** // *Нажировался брежневский зятек! Не все коту масленица* (Комсомольская правда, 2013.04.08);

5) префиксально-суффиксально-постфиксальный: **завируситься** // *Из ярких примеров — та же Карина Стримерша, нарезки трансляций которой завирусилась в социальных сетях, и в итоге она даже стала лицом паблика* (lenta.ru, 2019.12.31).

Производные слова, образованные морфологическим способом, различаются характером производящих основ. Частотно встречаются окказионализмы, образованные от иноязычных сложносокращённых слов: **отсиэнить, океюшки, смситься**.

Список словообразовательных морфем, используемых для создания таких слов, также отличается разнообразием. Так, при образовании окказионализмов в периодических изданиях используются аффиксоиды.

В сложных словах зачастую присутствует заимствованный элемент греческого происхождения **-мания**, обозначающий сильное влечение, пристрастие или болезненную склонность к чему-либо: **логомания** // *Как на любом молодом рынке, в России, когда появилась возможность покупать брендовую одежду, многие отдавали предпочтение вещам, на которых принадлежность к бренду отображена визуально. Это явление получило название «логомания»* (Огонёк, №8, 2015); **кредитомания** // *Жажда приобретения, шопоголизм, кредитомания — все это проявления массового психоза потребления, который стимулируется рекламой* (Психология на каждый день, №10, 2010); **блатомания** // *Оравший малолетка был шизофер, и основная тема его болезни называлась «блатомания»* (Криминальный отдел, №5, 2010).

Среди способов безаффиксного словообразования, можно отметить сложение, то есть образование нового слова путем объединения не менее двух производящих (мотивирующих) основ или слов. В данном случае словообразовательным средством выступает единое главное словесное ударение, постоянный порядок слагаемых компонентов (основ или слов), наличие соединительных интерфиксов, которые могут быть материально выраженными или нулевыми. Нулевой соединительный гласный характеризует следующие сложения: **Бали-маскарад, Галя-представление, избушка-шале** // *Познеры и Гуржиш успели – и жили там (Зальцбург) в избушке-шале у доктора Нонны Бреннер* (Tatler, октябрь 2019). Окказионализм **Галя-представление** дублирует известное сложное слово *гала-представление*, характеризующее яркое праздничное зрелище. В статье идет речь о модном показе детской одежды дизайнера Гали Юдашкиной // *Галя-представление. Показ Yudashkin Kids в особняке на Волхонке* (Tatler, январь 2019).

Также реализуются невузальные (окказиональные) способы словообразования. Р. Ю. Намитокова выделяет следующие способы окказионального словообразования: «редеривация (*нечаянный-чаянный*), субституция - замена морфем, сегментов слов, компонентов сложного слова (*отдарочек*), контаминация - проникновение первой части одного слова в другое и вытеснение его начала (*ломастер* от *ломать мастер*), тмезис - вторжение аффикса или слова внутрь слова (*еже-почти-минутно*), наложение - на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало второго слова (*ленинградуга*)» [4, с. 141].

Среди таких способов в картотеке нашего словарного материала частотно представлено явление контаминации (от лат. *contaminatio* — соприкосновение, смешение), то есть некое слияние частей слов на основании разного рода сходства с образованием единого целого, новой номинативной единицы: **Путиномика** <Путин+(эко)номика // Он также отметил, что Путиномика

предполагает отсутствие субъектов государственности, когда государство становится просто инструментом конкретных финансово-промышленных групп (Новый регион 2, 22.12.2008); **Гайдарономика**<Гайдар+(эко)номика, **Рейганономика**<Рейган+(эко)номика // Он придумал термин «гайдарономика» по аналогии с «рейганономикой» (Известия, 2013.04.26). Особенностью таких контаминированных слов можно назвать сохранение ассоциативной связи с обеими производящими основами и возможность их функционирования вне контекста за счёт повышенной информативности.

Н.А. Янко-Триницкая отмечает активность такого специфического для окказионального словопроизводства процесса, как **междусловное наложение**, под которым исследователь понимает наложение конечного элемента одной основы полнозначного слова и начального элемента другой, которая состоит с первой в паронимических или омонимических отношениях. Результатом такого способа является «сложное слово особого типа, включающее в своё значение семантику обоих объединившихся слов» [9, с.472]. Такое наложение может репрезентировать разные структурные типы в зависимости от характера объединения основ:

1. Полная представленность основ производящих единиц в производном слове: **тандемократия**<тандем+демократия // *Предыдущий безупречный план — установления «тандемократии» в России — имел тот изъян, что породил как внутри страны, так и за рубежом серьёзную неопределённость<...>*(Известия, 25.05.2012).

2. Частичное вхождение одной из объединяемых единиц в состав производного, реализуемое посредством усечения: **интелегенды**<ител(лигент)+легенды // загл. (Новая газета №41, 2005).

Примером такого образования может служить окказиональная лексема **вышиватник**, образованная на базе слов *вышиванка* и *ватник* // *К примеру, забавный «вышиватник» — украинская вышиванка + российский ватник. А почему бы и нет? Лишь бы взаимовнимание* (Комсомольская правда, 2014.07.21).

Описанный процесс напоминает явление интерференции морфов в традиционном словообразовании (*Омск+ск-ий*>*омский*; *розовый+оват-ый*>*розоватый*).

Представленные процессы демонстрируют некоторое сходство, однако существенно различаются механизмом объединения лексических единиц. При контаминации осуществляется скрещивание лексических единиц при отсутствии общих сегментов в производящих узуальных словах.

Стоит отметить возможность совмещения при образовании конкретного окказионализма представленных способов. Например, **выборотень**<*выборы+оборотень* образовано путём наложения срединных компонентов (*выборы*, *оборотень*), как при междусловном наложении, и усечения начального отрезка первой производящей единицы ((*о*)*боротень*), как при контаминации.

Активным способом создания окказионализмов является **субституция**, которая реализуется посредством замены частей слов. Такая замена может производиться как с учётом морфемного членения, так и без такового. Окказионализм создаётся в таком случае по аналогии со структурой какого-либо другого конкретного слова, при этом сохраняя ассоциативные связи с вытесненным компонентом. Такой способ неuzuального словообразования именуют также **словообразованием по конкретному образцу**. Частотно в текстах СМИ встречаются сложные окказионализмы, построенные по модели иноязычных слов-наименований людей (*бизнесмен*, *шоумен*): **алкмен**, **ркетмен**, **шаурмен**.

Таким образом нами выявлены основные узуальные и неuzuальные способы образования окказиональных лексических единиц, представленных в текстах

современных публицистических изданий, проанализирована их словообразовательная структура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войтак М. О жанрах речи и их публицистических / печатных конкретизациях // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т: Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2014. – С. 9-13.
2. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
3. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М.Кронгауз. – М.: Знак; Языки славянских культур, 2009. – 232 с.
4. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р.Ю. Намитокова. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1986. – 160 с.
5. Петрухина Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. – С-Пб, 2003. – С.426-433.
6. Русская речь в средствах массовой информации: Речевые системы и речевые структуры / Под ред. В. И. Конькова. – СПб., 2011. – 399 с.
7. Стилистика и литературное редактирование. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/7S/004/S3702-2.php> (дата обращения: 30.08.2021).
8. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // ВЯ. – 1957. – №4. – С. 64-73.
9. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке / Н.А. Янко-Триницкая. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.

E.S. Yablunovskaya

WORD-FORMATION FEATURES OF OCCASIONALISMS (BASED ON THE MATERIAL OF MODERN PERIODICALS)

The article discusses the derivational features of the occasional vocabulary that functions in the texts of modern periodicals. In particular, their word-formation structure has been analyzed, and the most regular and productive ways of forming such units have been identified. The relevance of the topic is due to the need for an adequate interpretation of occasionalisms in mass media texts. It is the word-formation structure of such names that often makes it possible to correctly determine their content. In the course of the study, there were the most frequently used methods of teaching occasional lexical characteristics, as well as the features of their morphemic composition.

Key words: occasionalism, word formation, morphemic structure, journalism.

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 801.8(000.7.01)

М.В. Балко

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. ГУБИНА «КАМЕНЬ-УГОЛЬЕ»)

В статье рассмотрены основные подходы к определению эстетической функции художественного текста, в связи с чем проанализированы следующие лингвистические понятия: эстетика языка, эстетика речи, художественный текст. Поскольку исследование выполнено на региональном материале, отдельно изучены широкий и узкий подходы к толкованию термина «региональный художественный текст». Подробно рассмотрены средства реализации эстетической функции в романе Л. И. Губина «Камень-уголье».

Ключевые слова: региональный художественный текст, эстетика речи, эстетическая функция художественного текста.

Художественный текст, заметно отличающийся от текстов других стилей, создаётся, прежде всего, для эстетического воздействия на чувства читателя. Эстетическая функция языковых знаков (как отдельных слов, конструкций, так и текстов в целом) трактуется лингвистами неоднозначно, причём подходы классиков и современников языкознания могут несколько отличаться, что связано с активным появлением и развитием в последние годы новых лингвистических направлений.

В. В. Виноградов [3] связывает эстетическую функцию речи с выражением образного содержания, Г. О. Винокур [4] – с различными семантическими преобразованиями языковых единиц. Б. В. Томашевский выделяет способность речи «привлекать нас своей красотой» и вызывать «эмоции восторга и любования» [16]. Д. Н. Шмелёв фиксирует в высказывании эстетическую функцию всякий раз, когда «говорящий начинает обращать внимание на внешнюю форму своей речи, как-то оценивает возможности словесного выражения» [18]. А. И. Горшков акцентирует внимание на направленности формы словесного знака «не только на передачу того или иного содержания, но и на самого себя, что позволяет в самом языке ощущать прекрасное» [7].

Языкознание новейшего периода характеризуется развитием целого ряда новых научных направлений, в рамках которых также изучается эстетическая функция языка и речи. Одно из таких направлений – стилистика креатива, основной объект исследования которой – речевое творчество. Понятия «креативный», «творческий», «созидательный» представители этого направления рассматривают в одном синонимическом ряду с прилагательным «эстетический». Как отмечают Н. А. Купина и Т. В. Матвеева, «языковое творчество возникает на основе потребности эстетического осмысления мира» [11, с. 298–299]. Различные виды деятельности художника (познавательная, преобразовательная, игровая, оценочная и проч.) порождают «обладающие эстетической значимостью произведения искусства, в том числе искусства слова» [11, с. 299]. Восприятие таких произведений предусматривает их

эстетическую оценку. По мнению учёных, складывается, таким образом, триада: креативная деятельность – результат креативной деятельности – оценочное восприятие созданного в процессе креативной деятельности «продукта».

Эстетика, согласно постулатам стилистики креатива, – наука, предметом изучения которой являются закономерности существования и формы художественного творчества; она призвана «выявлять ценностные ориентиры многоаспектного творческого отражения мира» [11, с. 299]. Основополагающие категории эстетики (прекрасное и безобразное, трагическое и комическое, возвышенное и низменное и др.) используются для рассмотрения проблемы вкуса, которая трактуется как способность воспринимать и оценивать плоды художественного творчества, то есть разнообразной креативной, в том числе речевой, деятельности. Текстам различных стилей может быть свойственна эстетическая функция, поскольку большинство из них креативны по природе, но, безусловно, художественные произведения реализуют эту функцию максимально ярко.

Принято разграничивать эстетику языка и эстетику речи. Язык, безусловно, является объектом эстетического восприятия, о чём свидетельствуют, например, зафиксированные в словаре эпитетов К. С. Горбачевича [6] характеристики этого феномена, причём как положительные, так и отрицательные. Так, учёный приводит следующие эпитеты, отражающие богатство и красоту языка: *алмазный, блестящий, броский, великий, великолепный, выразительный, живописный, искромётный, колоритный, красочный, многогранный, мощный, неповторимый, отточенный, пленительный, поэтический, превосходный, прекрасный, рельефный, роскошный, сочный, усладительный, чудный, энергичный, яркий* и др. Грубый же, бедный, стереотипный язык характеризуется как *банальный, бестелесный, бесцветный, бледный, дикий, дурной, жалкий, казённый, маловыразительный, неизящный, серый, скудный, суконный, трафаретный, тусклый, убогий, холодный* и т. п. В словаре также зафиксировано значительное количество эпитетов для других характеристик языка: лаконичного или многословного; простого и правильного; проникнутого каким-либо чувством; книжного, высокопарного или изысканного; непонятного, иносказательного. Как видим, положительная или отрицательная эстетическая оценка языка органично присуща его носителям. В традиционной русской культуре вообще и коммуникативной культуре в частности язык осознаётся как эстетическая ценность.

Принципиальное отличие эстетики языка от эстетики речи, по мнению Р. А. Будагова, заключается в том, что «первая относится к самим ресурсам и возможностям языка, вторая – к реализации подобных ресурсов и возможностей в том или ином тексте, у того или иного писателя, учёного или просто-напросто пишущего человека, хорошо понимающего, однако, особенности родного или очень близкого ему языка» [2, с. 263].

Эстетическое отношение к речи (устной или письменной) демонстрирует отбор автором определённых языковых средств, которые в конкретной коммуникативной ситуации осознаются как оказывающие эстетическое воздействие. При этом он сознательно или подсознательно отвечает себе на вопрос *как?* (как лучше, интереснее, выразительнее сказать; как красочнее описать предмет, явление; как изящнее выказать восхищение; как удачно пошутить; как убедительнее доказать свою правоту; как достойно ответить на вопрос и т. п.). Именно художественное произведение, как никакое другое, предполагает особое внимание автора к поиску ответа на каждый подобный вопрос *как?* Художественное творчество требует, как утверждает М. М. Бахтин [1, с. 13], глубокого «вчувствования» в ситуацию или «эстетическое событие».

Художественный текст является моделью мира автора. Создание произведения представляет собой процесс самовыражения художника как в языковом, так и в ментальном плане. Ключевую роль при этом «играют его личные знания и эстетические представления о мире, которые он и воплощает максимально полно и адекватно в результате отбора тех или иных языковых средств» [13]. Имеет место особая организация языковых средств для реализации различных функций, прежде всего эстетической.

Художественное творчество предполагает и преобразование отражённой действительности в особую эстетическую реальность произведения. Следовательно, художественный текст можно рассматривать как совокупность эстетических речевых действий, представляющих когнитивное пространство языковой личности. Эстетическое воздействие на читателя осуществляется посредством всей семантико-синтаксической структуры текста: в читателе пробуждаются определённые чувства, он сопереживает героям или ненавидит их, погружается в произведение полностью, становясь частью созданного писателем мира. Именно эстетическая функция художественного текста «позволяет языковому сознанию личности автора, его ментальности реализовываться в языке, ... делает из художественного текста произведение искусства, рождённое в результате творческого акта автора» [13].

Особенной в ментальном, эстетическом, языковом плане структурой является региональный художественный текст. В. А. Храпова характеризует его как ключевой элемент региональной культуры [17, с. 103]. Целесообразно говорить о широком и узком подходах к определению регионального текста. Согласно широкому толкованию, региональный текст – это «совокупность локальных текстов, которые хранят в себе семантический и идеологический код, фиксирующий информацию о своеобразии пространства, позволяя его идентифицировать» [17, с. 103]. Локальные тексты, как правило, описывают историю места, обладающую мифологическим и символическим смыслом. Источниками локальных текстов выступают архивные материалы, краеведческие студии, художественные произведения, содержащие буквальные описания или образные осмысления определённой территории, материалы СМИ и проч. В процессе освоения знаково-символических структур того или иного региона формируются уникальные связи между этими структурами и людьми, глубоко их постигающими, что, безусловно, отражается в локальных текстах.

Д. В. Ларкович, будучи представителем широкого подхода к пониманию регионального текста, подчёркивает, что он «закреплён в содержательном единстве различных литературных источников (субтекстов)» и «оказывается условием, при котором пространство обретает собственный голос, осознаёт и вербально презентует себя» [5]. При этом учёный рассматривает здесь и «городские» тексты (к примеру, «петербургский», «московский», «пермский» и проч.), закрепившие представление об уникальности городов как культурных феноменов.

Региональный текст в широком понимании, по нашему мнению, приобретает черты сверхтекста. Художественный образ конкретного региона складывается благодаря творчеству целого ряда авторов, и не только литераторов, но и публицистов, учёных и т. д. (ср. дефиницию, предложенную Н.А. Купиной и Г.В. Битенской, согласно которой «сверхтекст – это совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединённая содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определёнными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального и аномального» [10, с. 215]).

В подтверждение этого наблюдения приведём основные свойства сверхтекста, описанные Н.Е. Меднис [14]:

- сосредоточенность вокруг образного и тематического центра, который выступает в качестве концептуального ядра сверхтекста (для регионального текста – это, конечно же, определённый регион);
- наличие корпуса текстов, наглядно репрезентирующих данный сверхтекст, определяющих систему его художественного языка и задающих вектор его эволюционной динамики;
- смысловая цельность, которая возникает в точке пересечения текста и внетекстовой реальности и выступает в качестве межтекстовой скрепы;
- относительная устойчивость и одновременно подвижность границ сверхтекста, обеспечивающая его открытость.

Узкий подход к толкованию регионального текста основан на традиционном понимании текста как лингвистической единицы и представлен, например, в работах Д.И. Морарь. Согласно этому подходу, региональный текст определяется как «объединённая по смыслу последовательность знаковых единиц, отражающих географическую, этническую, а также языковую общность населения региона» [15], причём акцентируется, что авторы такого текста, отражающего в своей структуре и семантике специфические этнические, географические и культурные черты региона, проживают в этом регионе [15].

Более аргументированным видится широкий подход к толкованию регионального текста. Во-первых, не следует ограничивать это понятие только текстами, создаваемыми авторами, проживающими в регионе (о том или ином регионе могут писать авторы по всему миру); во-вторых, региональный текст представляет собой не только и не столько «последовательность знаковых единиц», это понятие гораздо шире и включает, например, такие компоненты, как «региональный миф», «легенда местности» и т. п. Взвешенным видится предложенное А. Ю. Коробовым-Латынцевым и В. С. Коробовой-Латынцевой в монографии «Донецкий региолект» определение, согласно которому региональный текст «представляет собой гуманитарное и социальное единство, которое самым тесным образом связано с людьми, их жизненным укладом и мировоззрением» [9, с. 147].

Донецкий текст определяем вслед за А.Ю. Коробовым-Латынцевым и В. С. Коробовой-Латынцевой не только как совокупность текстов, создававшихся в Донбассе или выходцами из Донбасса, но и весь корпус текстов, посвящённых Донбассу или тем или иным образом связанных с регионом [9, с. 147].

Классифицируют донецкий текст по следующим критериям: а) географическому (тексты донецких, луганских авторов и авторов из каждого города Донбасса); б) по критерию рождения (тексты авторов, которые родились и жили в Донбассе и создавали «донецкий текст русской литературы», и тексты тех, кто родился не в Донбассе, но также участвовал в создании корпуса «донецкий текст») [9].

Л.И. Губин – донбасский писатель, историк, журналист, сделавший немало для исследования истории освоения Донбасса и её художественного осмысления. Родился в 1926 г. в Славяносербске, окончил семилетнюю школу, работал слесарем на станции Родаково, а в годы Великой Отечественной войны – на заводе города Омска. С начала 50-х годов XX века его деятельность неразрывно связана с журналистикой: работал в редакциях различных газет и на Гостелерадио.

Талант Л.И. Губина как писателя также многогранен: он является автором повести о борьбе с бесхозяйственностью и рутинной на селе «Большие Грачи», романа о Чернобыльской трагедии «Вишнёвое око дьявола», целого ряда сценариев. Особое место в сердце писателя, а значит и в его творчестве, занимает родной край – Донбасс. Повесть «Первооткрыватель» (1957 г.) стала первым художественным исследованием

истории открытия каменноугольных залежей Донбасса и заслуженно получила высокую оценку читателей и общественности. Сценарии Л.И. Губина и режиссируемые им же фильмы «За рекой Луганкой», «Заводу в наследство», «Уголь – наши заботы» и др. также посвящены родному краю.

Об истории освоения Донецкого каменноугольного бассейна и личности человека, непосредственно участвовавшего в этом, – Григория Григорьевича Капустина – повествует и исторический роман Л. И. Губина «Камень-уголь».

С каменным углём, который в Донецком бассейне выходит на поверхность, местные жители знакомы испокон веков, но поиски полезных ископаемых здесь начались в петровскую эпоху. Уголь Петру I был показан, когда он возвращался из первого Азовского похода в 1696 году, на что царь сказал: «Сей минерал, если не нам, то потомкам нашим зело полезен будет». В эту местность на поиски полезных ископаемых был послан рудознатец Григорий Капустин. Именно он в декабре 1721 года открыл угольные залежи недалеко от современного города Шахты, а затем – и в других местах Донецкого бассейна, а в 1724 году уголь уже добывали. Первым историческим документом об открытии каменного угля в Донбассе является именной Указ Петра I от 07 декабря 1722 года [12].

Произведение Л. И. Губина насквозь пронизано любовью к Донбассу и гордостью за его трудовую историю и прекрасных людей, имевших к ней отношение, благодаря чему оно оказывает мощное эстетическое воздействие на читателя. Автор глубоко «вчувствовался» (см. этот термин М. М. Бахтина выше) в историю освоения каменноугольных залежей Донбасса. Рассмотрим подробнее средства, используемые автором для реализации эстетической функции романа «Камень-уголь» [8] именно как регионального художественного текста:

1. Поэтические описания природы Донбасса, например: *Цветёт вишня. Из садов за каменными тынами тёплый ветер несёт духмяный запах. Узкие переулки засыпаны белыми лепестками. Гудят пчёлы. В зелени трав за хутором крутой бугор. По ерикам и степным руслам отзвенели ручьи. Вымахал в суходолах бледный дурман – отродье-трава. Вздунулась от вешних вод речка Кундрючья, посрывала деревянные мостки и кладки, затопила капустные грядки, осела в поймах небесной гладью. Изошли вешним пухом вербняки, стоя в воде. Или: Отбуйствовала весна. На Донце давно сломало и унесло лёд. Ширилось половодье. Леса за Донцом стояли по колено в воде. Тишь. Безветрие. В Лисьей Балке оделись зеленью тополя. Бабы выбелили хатки, у окон и по завалинкам навели рудой краской красоту; мужики, поправив сохи и отсеявшись, внимательно, не без боязни, присматривались к дремучему на бугре частоколу и выглядывающим из-за него свежим тёсовым крышам.*

2. Органичное введение в текст романа исторических топонимов и гидронимов Донбасса, повествование о них с любовью и восхищением. Так, в приведённых выше отрывках упоминаются реки Донец и Кундрючья, а также топоним Лисья Балка. Приведём ещё примеры: – *Не порвут небось. До царя-то далеко, а здесь – Донец. И Дон-батюшка вон он, рядом. Или: – Э-э, простак ты, как я вижу, хоть и в столице потёрся, – прохрипел Харитон, не вынимая трубки изо рта и завязывая верёвку на лапте. – Забыл, должно, в той столице, на чьей земле живёшь. Архимандрит Таусий в Черкаскове (станция в Аксайском районе Ростовской области – М. Б.) велел атаману Всевеликого Войска Донского тот указ спрятать и никому про то не сказывать. Или: Недавно построенная сторожевая – от татар – крепость Бахмут огорожена по земляному валу дрекольем. Вокруг крепости слобода и казачьи курени. Хаты-мазанки, веретена тополей, припорошенные первым снегом левады, вишнёвые сады, чёрная в белой кайме снегов вода Бахмутки.*

3. Описание донбасского каменного угля как настоящей драгоценности, восхищение его качеством, ср.: *Гляжу, уголье сгружают с судна. Я украдкой в сарай. Дай, думаю, в руках подержу да глазами погляжу, что оно за штука такая, уголье-то ихнее. В пальцах растёр, понюхал – ничего вроде. Только тусклое какое-то и не ровня нашему. Наше молотом кроши – не раскрошишь, а тут пальцами растёр. Но – везут. За тыщи вёрст везут. И деньги мы им большие платим. А ведь у нас тут своего!.. О боже!.. Или: – Уголье твоё ядрёно, мил человек. Ух, ядрёно! Топор я тебе выкую, такой топор, что с ним весь свет пройдёшь и мне спасибо назад принесёшь.*

4. Подробное описание технологических процессов угледобычи, введение в повествование терминов маркшейдерского дела и смежных с ним научных отраслей, например: *Харитоновна тень гуляла по стене, из-под кайла, которым он долбил под ногами, сыпался чёрный камень. Матвей грёб лопатой, наполнял высокую деревянную бадью угольем. Воткнувший в трещину, коптил факел, неровно горя. Бадья за бадьёй уплывала наверх. Под ногами образовалась угольная яма. В свете факела казалось, что роятся они в сплошных самоцветах – уголье на гранях сверкало и переливалось блеском. Или: – Сооружать шахт дело весьма хлопотное. Аглицкий маркшейдер Уильям Гастон полагает необходимым сначала в гору пролом рвать. Или: – Уголье залегают флетцами – вот он доказал. – Флетца, господин лантрат, есть такая полоса, которая толста или тонка бывает и под землёю горизонтально простирается, не так, как жила; в глубину падает, но в ширину раздаётся. Сигает она в чреве бугров на многие сажени, а может и вёрсты. У нас тут, – Григорий повёл рукой, – флетца саженой на триста тянется от одного конца у речки Беленькой до другого – вон там, у ручья под Лисьей Балкой.*

5. Описание других, кроме угольного, промыслов Донбасса, например, солеварения: *Особо – под земляной насыпью у стен, где ночью и днём не дремлют, похаживая, дозорцы, – длинные дощатые бараки-солеварни. Вечно зияют распахнутые двери. Дым и чад, запах сожжённых дров и выпаренной соли. Или: Место было хорошее, вольготное, от соляных заводов не далёкое, угольем и лесом богатое.*

6. Создание максимально положительного образа главного героя и простых людей Донбасса как тружеников, глубоко порядочных и благородных. Л. И. Губин показывает Григория Капустина в разных ипостасях: как талантливого кузнеца, любящего сына, мужа и отца, подъячего приказной избы в родном селе, но основное внимание уделяет главному его делу – геологии. Непрерывно расширяя знания, Григорий Капустин развил в себе уникальное умение по минимальным приметам на поверхности земли узнавать, где залегают металлы и минералы. И людей себе в помощь он подбирал разумных и трудолюбивых. Он, к примеру, так говорил о своих рабочих: *Люди, коих я нанимал, работали прилежно. Я бы и самого дьявола нанял, ежели бы он исправно службу служил. На лбу у них не было написано, кто вор, а кто честный человек. Как по-моему, так все те люди, кои были в команде, добропорядочные и честь имеющие. Иначе бы я не привёз уголье и золотые да серебряные руды в столицу.*

7. Введение в текст диалектных и просторечных слов и выражений, создающих колорит повествования, например: *тыны, хаты, жижа, пошто, нешто, шибко, тамошние, ихняя, вынать* и проч.

Описанные средства, характеризующиеся ярко выраженной региональной маркированностью, оказывают эстетическое воздействие на читателя: он проникается уважением и любовью к Донбассу, живущим и работающим в этом регионе людям, ощущает гордость за научные открытия и трудовые достижения Донбасса.

Таким образом, возвращаясь к теоретическим постулатам эстетики речи, очерченным выше, констатируем: Л. И. Губин в романе «Камень-уголье» продемонстрировал отбор таких языковых средств и стилистических приёмов, которые

максимально способствовали оказанию эстетического воздействия на читателей, ответив на такие ключевые вопросы *как?*: как интереснее поведать об истории открытия залежей каменного угля в Донбассе? Как правдивее и красочнее описать причастных к этому открытию людей? Как создать образ Донбасса? Ответы на эти вопросы таковы: конечно же, описав его уникальную природу, знаковые места и трудолюбивых людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с. – (Из истории советской эстетики и теории искусства).
2. Будагов Р. А. Писатели о языке и язык писателей / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 280 с.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М. : Высшая шк., 1971. – 240 с.
4. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Высшая шк., 1991. – 445 с.
5. Галян С. В. Литературное краеведение: филологический анализ регионального (югорского) текста : учеб-метод. пособие / С. В. Галян, Д. В. Ларкович, Т. А. Сироткина. – Тюмень : Аксиома, 2017. – 168 с.
6. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – СПб. : «Норинт», 2002. – 224 с.
7. Горшков А. И. Лекции по русской стилистике / А. И. Горшков. – М. : Из-во Литературного института им. А. М. Горького, 2000. – 272 с.
8. Губин Л. И. Камень-уголье : роман / Л. И. Губин. – К. : Рад. письменник, 1981. – 320 с.
9. Коробов-Латынцев А. Ю. Донецкий текст русской литературы: художественные произведения из Донбасса и о Донбассе / А. Ю. Коробов-Латынцев, В. С. Коробова-Латынцева // Донецкий региолект: монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой, К. В. Першина, И. А. Кудрейко и др.; под ред. В. И. Теркулова. – Донецк : Издательство ООО НПП «Фолиант», 2018. – С. 146–155.
10. Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург : Институт развития регионального образования, 2004. – С. 215–222.
11. Купина Н. А. Стилистика современного русского языка : учебник для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – М. : Изд-во «Юрайт», 2013. – 415 с. – Серия : Бакалавр. Углублённый курс.
12. Литература родного края : пособие по литературному краеведению. – 2-е изд., доп. и перераб. / сост. Л. В. Мельникова, Г. Н. Король, А. Г. Прядко, Е. Я. Левченко. – Донецк : Донецкий РИДПО, 2016. – 234 с.
13. Малова Н. Е. Реализация эстетической функции в художественных текстах / Н. Е. Малова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 3. – С. 164–168.
14. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003. – 170 с.
15. Морарь Д. И. Особенности изучения региональных текстов в процессе обучения РКИ [Электронный ресурс] / Д. И. Морарь // XIII Международная

студенческая научная конференция «Студенческий научный форум – 2021». Актуальные вопросы филологического образования. – Режим доступа : <https://scienceforum.ru/2021/article/2018025794>.

16. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.

17. Храпова В. А. Региональный текст как фактор организации современного социального пространства / В. А. Храпова // LOGOS ET PRAXIS. – 2019. – Т. 18. – № 4. – С. 102–107.

18. Шмелёв Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д. Н. Шмелёв. – М. : Наука, 1977. – 168 с.

M.V. Balko

AESTHETIC FUNCTION OF THE REGIONAL ARTISTIC TEXT (ON THE MATERIAL OF THE ROMAN L. GUBIN "STONE-COAL")

The article discusses the main approaches to the definition of the aesthetic function of a artistic text. In this regard, the following linguistic concepts have been analyzed: aesthetics of language, aesthetics of speech, artistic text. Since the study was carried out on regional material, the broad and narrow approaches to the interpretation of the term “regional artistic text” were studied separately. The means of realizing the aesthetic function in the novel by L. I. Gubin "Stone-coal" are considered in detail.

Key words: regional artistic text, speech aesthetics, aesthetic function of artistic text.

УДК 81'42

А.В. Карпенко

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

НАЗВАНИЯ КАРТОЧНЫХ ИГР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

В данной статье представлена история развития карточных игр в России и их значение в культурной жизни дворянства I-ой половины XIX века. Также рассматривается карточная игра как часть художественного мира в русской литературе; номинации карточных игр, нашедшие отражение в произведениях А.С. Пушкина; связь карточной игры с сюжетной необходимостью. Актуальность исследования заключается в изучении карточной игры не только как «универсума», но и как композиционного приёма в творчестве А.С. Пушкина.

Ключевые слова: карточная игра, коммерческие и азартные игры, фараон, бостон, ломбер, вист, ламуш.

Объектом исследования является карточная игра как универсальная модель жизни дворянского сословия.

Цель данного исследования – определение значения карточной игры в дворянской культуре первой трети XIX века, её отражение в творчестве А.С. Пушкина. В работе рассмотрены номинации карточных игр и их влияние на развитие сюжета произведений поэта.

Рассматривая категорию игры, Й. Хейзинга определял её «нек[им] излишеств[ом]. Потребность в ней лишь иногда бывает насущной, когда возникает желание играть» [17].

Впервые карточная игра и ее термины становятся частью художественного мира в творчестве А.Д. Кантемира («Сатира V. На человека»), А. П. Сумарокова («О честности»), Г.А. Державина («На счастье», «Фелица»). Ещё в петровскую эпоху карточная игра стала сюжетом комедии С. Полоцкого «Комедия-притча о блудном сыне». В дальнейшем тема игры стала злободневной и нашла отражение в драматургии П.С. Батурина «Игроки» и Д.В. Ефимьева «Преступник от игры, или Братом проданная сестра». Распространение тема карт получила в XIX в. в произведениях А.С. Пушкина, которые стали отражением автобиографического игорного опыта, внутреннего мира игрока, мотивации к игре.

По мнению В.В. Виноградова, карточная игра «уже с XVIII в. изображалась как характеристическая и символическая форма жизни дворянского общества» [2, с. 91]. Ю.М. Лотман назвал карточную игру «культурной реалией» [8, с. 778]. Она формировала манеры поведения участников, создавая собственный язык. И.Н. Панаев отмечает, что «посредством карт в Петербурге (я не знаю, как в других европейских столицах) завязываются наитеснейшие связи, приобретаются значительные знакомства, упрочивается теснейшая дружба и, что важнее всего, получают выгоднейшие места» [10, с. 46]. П.А. Вяземский подтверждает это фразой: «Карточная игра в России есть оселок и мерило нравственного достоинства человека» [4, с.49]. По мнению В. В. Шевцова, карточная игра «стала особой темой литературного творчества, своеобразным способом осмысления действительности и семантически насыщенным пластом художественной композиции» [18]. Всё это обусловило интерес к изучению карточной игры не только в лингвистическом, но и в культурологическом плане.

Карты на Руси появились в 1600 г. и были ввезены поляками и украинскими казаками, а также немцами, «во множестве наезжающими тогда в московское государство» [6]. Впервые карты упоминаются при царе Алексее Романове в «Соборном уложении» 1649 года в главе «О разбойных и татинных делах», где их приравнивали «к «зерни» — современной нам игры в кости. Она была популярна среди воров и разбойников, а воеводам предписывалось наказывать играющих в нее» [6]. Несмотря на то, что Пётр I не любил карты, он в то же время и не запрещал их, выступая категорически против денежных ставок. «Прописку» в обществе карточные игры получили в эпоху Анны Иоанновны, приравнявшей игру к делам государственной важности. Были открыты карточные собрания, во время которых решались различные вопросы. К примеру, Анна Иоанновна любила играть в карты, но специально проигрывала, чтобы поправить материальное положение партнёру по игре. Бирон и Левенвольд – дипломаты при дворе Анны Иоанновны – самые страстные игроки, любили играть в фараон, делая крупные ставки, поднимая до 20000 р.

Также во время игры в карты завязывались знакомства. Зарубежные карточные игры были эталоном приличного времяпровождения, подражая европейской культуре. С точки зрения В.В. Шевцова, «Игра в карты не только структурировала время, но и выполняла коммуникативную функцию. Коммерческие или степенные игры сопутствовали беседе, знакомству, положение в обществе определялось кругом карточных партнеров» [18]. Карты стали приобретать социальную значимость. Императрица Елизавета ввела категорический запрет на карточную игру среди простолюдинов, играть разрешалась только дворянам и знати. Карты становятся модным увлечением в екатерининскую эпоху. При Екатерине II карточные игры с целью проведения досуга, как развлечение, не являлись преступлением.

В последней трети XVIII века карточная игра – досуг столичного и провинциального дворянства. В это же время в России были официально открыты игорные дома, включавшие отдельно клубы для простых людей и для дворян. В начале XIX века карточная игра становится неотъемлемой частью дворянской игровой культуры и повседневной нормой поведения: «Нигде, – писал кн. П.А. Вяземский в "Старой записной книжке", – карты не вошли в такое употребление, как у нас: в русской жизни карты одна из непреложных и неизбежных стихий... Если карточную игру игнорировали, то это воспринималось как нарушение норм общения. Войдя в повседневное пространство, карточная игра является не только формой праздного досуга, а преследует денежный интерес: «В Москве составилось общество богатых игроков, под председательством славного Чекалинского, прошедшего весь век за картами и нажившего некогда миллионы, выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги» [13, т.3].

По мнению С.С. Комисаренко, «[Карты] создавали особый мир, овеянный атмосферой несбывшихся надежд и невероятных удач, головокружительных взлетов и трагических падений, рискованных поступков и непредсказуемых ситуаций. Здесь воистину царили азарт, риск, страсть» [6]. Несмотря на то, что карточные игры не имели сословных ограничений, преимущественно это было увлечение тех, кто обладал свободными деньгами. Именно этот фактор определял социальную нишу: «Потребность игры стала столь привычной, что в некоторых кругах оценивают человека по критерию: «он играет», «он не играет» [15]. Для проигравшего карточный долг становится долгом чести, за неуплату которого его не сажали в тюрьму, но могли вызвать на дуэль, в противном случае его ждало общественное порицание.

По выражению В. Одоевского, карты стали своеобразной «светской болезнью», настоящею «раной гостиных»: «Всю ночь, увы! Понтировал» [А.С. Пушкин «Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков»]. В своём дневнике Ал. Н. Вульф писал, что «никакая игра не доставляет столь живых разнообразных впечатлений, как карточная, потому что во время самых больших неудач надеешься на тем больший успех, или просто в величайшем проигрыше остается надежда, вероятность выигрыша. Это я слышал от страстных игроков, например, от Пушкина (поэта)» [3].

В аристократическом столичном обществе было известно свыше 30 видов карточных игр, которые подразделялись на «солидные» и «нравственные», а также «модные» и «опасные», коммерческие и азартные. Социальное расслоение общества в свою очередь находит отражение в карточной сфере: различаются игры, достойные «благородных людей», – среди них банк, бостон, ломбер, вист, преферанс, винт – и игры простого народа, – дурачки, ерошки, подкаретная, три листа и др., многие из которых нашли отражение как в жизни, так и в творчестве А.С. Пушкина: «Вместо того чтобы писать седьмую главу Онегина, я проигрываю в штос четвёртую» [9].

Н. Страхов делит все карточные игры на 4 группы согласно «степени информации, которая имеется у игроков, и, следовательно, тому, чем определяется выигрыш: «расчетом или случаем» [7, с. 68]. Среди них были «денежные игры, достойныя к повышению» [7, с. 67]: банк – название карточной игры, где деньги ставят на любую карту: на правой стороне выигрывающую, на левой – проигрывающую: «*Страсть к банку! Ни дары свободы / ни Феб, ни слава, ни пиры / Не отвлекли в минувши годы / Меня от карточной игры<...>*» [12, т. 2]

Ещё одной категорией игр, которые Н.Страхов выделяет в своей классификации, являются «игры, подавшие просьбы о помещении их в службу степенных солидных людей» [7, с.67]:

Ломбер – неазартная игра, рассчитанная на троих участников, возникшая в XVI в. в Испании, одна из самых старых игр в Европе., в которую играют втроем (двое

объединяются против одного). В России игра появилась в середине XVIII и носила первоначальное название «гомбер». Во период правления Екатерины II ломбер был запрещён

Вист – одна из популярных коммерческих игр в России вплоть до конца XIX в., родиной которой является Великобритания эпохи XVI в. Первоначально игра была распространена среди посетителей лондонских кофеен и литературных салонов. Рассчитана на 4 игроков, но можно играть вдвоём и вшестером. После определения пар играющих путём жеребьевки участники, вытянувшие «старшие карты», начинают игру первыми. Игра требует определённой стратегии. Впервые эта игра упоминается в романе Ф. Бурмина «Иван Иванович Выжигин» в 1829 г.

Ламуш – игра, распространённая в XVIII в. и вышедшая из моды в начале XIX в., в которой число участников от 2 до 5. Венцом игры является 5 карт одной масти, выпавшие игроку: *Всё изменяется в природе: // La mouche и фишмы были в моде; [12, т.2]*

«Игры, подавшая просьбу о увольнении их в уезды и деревни» [7, с.67], представлены в прозе А.С. Пушкина игрой в дурачки – одна из самых распространённых семейных игр и при этом чисто русского происхождения. Колода, употребляющаяся при означенной игре, – 36 карт, участвовать в игре могут от двух до семи человек: *И старый барин здесь жывал, // Со мной, бывало, в воскресенье, // Здесь под окном, надев очки, // Играть изволил в дурачки* – [12, 2]

Говоря об отличительных признаках азартной игры, Ю.М. Лотман утверждает, что «азартные игры строятся так, что понтирующий вынужден принимать решения, фактически не имея никакой (или почти никакой) информации /.../ Таким образом, понтирующий играет не с другим человеком, а со Случаем» [7], в отличие от коммерческой, где ход игры заведомо предсказуем, так как всё подчинено правилам и расчёту. Популярность тех или иных карточных игр менялась в зависимости от веяния моды: «игры, как и всё в этом подлунном мире, зависят от капризов и превратностей моды» С точки зрения С.С. Комисаренко, «существовал целый ряд игр, связанных с отдыхом и удовольствиями, получаемыми игроками как от самого процесса игры, так и от общения с собравшимися игроками» [6].

Популярность карточной игры нашла отражение в литературе, став композиционным приёмом в творчестве многих писателей, в частности в произведениях А.С. Пушкина. По определению В. В. Виноградова, «стиль эпохи воссоздается у Пушкина, помимо ярких и типических личных образов, характеристическим подбором немногих символов<...>, которые как бы впитывают в себя «дух» времени, до предела насыщены идейной, образной и культурно-бытовой атмосферой изображаемой действительности» [1, с.4]

Обращение поэта к игровому приёму не случайно, так как он сам был подвержен игре в карты, поэтому смог мастерски передать психологию карточной игры. Выбор карточной игры в произведениях А.С. Пушкина обусловлен сюжетной необходимостью. Например, в «Пиковой даме» карточная игра является центром сюжетного действия.

В экспозиции повести «Метель», как считает Г.М. Ребель, показана «однообразная обыденность, рутинное барское существование» [16], где элементом жизни мелкопоместного дворянства служит также карточная игра: *«по минутно ездили к нему [Гаврила Гавриловичу] поест, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою...»*.

В повести «Выстрел» игра входит в перечень основных профессиональных действий, характерных для офицерско-дворянского круга. Автор показал распписание жизни армейского офицера: «Жизнь армейского офицера известна. Утром учение,

манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером пунш и карты». Именно карты послужили завязкой конфликта в повести. В продолжении повести, читатель понимает, что игра явилась поводом для отмщения. Нельзя не согласиться с мнением Г. Парчевского, который при описании карточных дуэлей говорит: «Игра как оружие, игра — и ее результат — как акт мщения» [11].

Игра в бостон (коммерческой игра, основанная на расчёте), упомянутая А.С. Пушкиным в романе «Дубровский», представлена как элемент досуга помещико-дворянского общества, одна из забав помещика Троекурова: «Смерклось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в **бостон** с приезжими соседями» [14, т. 3]

В романе «Евгений Онегин» карточные игры также нашли отражение и были типическим явлением для своего времени. Автор показывает досуговый интерес к картам как в среде помещичьих дворян (во время празднования дня рождения Татьяны Лариной в именье), так и в быте представителей светского общества. Причём игры, упомянутые в романе, относятся к разряду не только коммерческих (вист, ломбер, бостон, ламуш), но и азартных (фараон). Из контекста следует, что в ломбер и бостон играли люди преклонного возраста, так как эти игры вышли из моды, были такими же возрастными, как и их участники: *Столы зелёные раскрыты: // Зовут задорных игроков// **Бостон** и **ломбер** стариков.* Вист в романе «Евгений Онегин», был популярен среди представителей дворянского сословия: *...и **вист** донине знаменитый* [12, т.2]; *Генералы и тайные советники оставили свой **вист*** [13, т. 3]; *Так точно равнодушный гость / На **вист** вечерний приезжает / Садится; кончилась игра* [12, т. 2]

Самая простая и самая фатальная игра, по мнению А.С. Пушкина, фараон. Ключ к пониманию повести «Пиковая дама» скрыт в ходе игры в фараон. **Фараон** – азартная игра, возникшая на территории Франции в XVIII в., приобрела популярность в XVIII и обросла вариациями: штос, банк, «любишь – не любишь». Впоследствии в екатерининскую эпоху стала под запретом из-за того, что аристократы проигрывали в неё большие суммы денег. Гофман назвал её самой фатальной игрой в своем рассказе «Счастье игрока». В России фараон был очень популярен в XIX в. Играют двое, у каждого своя колода карт, один понтирует, другой принимает банк. Игра продолжается до 100 очков. Однако случай внёс в естественный ход жизни Германа фатальный элемент – Пиковую даму, появившуюся мистическим образом в схеме расклада «трёх верных карт».

В заключении, разделяя точку зрения Г.А. Гуковского, который, исследуя состояние общества начала XIX в., приходим к выводу, что «мир карточных страстей полностью подчинял себе человека, делал его своим рабом, отторгая от общественных интересов, от больших социальных вопросов, от политики и, растлеывая души игроков, растаптывал высокие чувства и гражданские добродетели» [5, с. 367]. Исследуя творчество А.С. Пушкина, следует отметить: нет единого мотива в карточной игре. Представители дворянского сословия играли, преследуя разные цели: следование моде, форма досуга, получение выигрыша. Увлекаясь игрой с целью обогащения, игрок удовлетворяет потребности в риске и борьбе. Страсть, овладевая участником игрового действия, затмевает потребность выигрыша.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Стиль Пушкина VII. Стиль повествовательной прозы Пушкина / В.В. Виноградов. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/vinogradov-stil-pushkina/stil-prozy-4.htm> (дата обращения: 18.03.2021).

2. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» / В.В. Виноградов. Пушкин: современник пушкинской комиссии – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – [Вып.] 2 – С. 74–147.

3. Вересаев В.В. Пушкин в жизни/ В.В. Вересаев. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=121191&p=1> (дата обращения: 11.05.2021)
4. Вяземский П.А. Старая записная книжка /П.А. Вяземский. – URL: http://www.azlib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0060.shtml (дата обращения: 21.04.2021).
5. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г.А. Гуковский – М., 1967. – 367 с.
6. Комиссаренко С.С. Культурные традиции русского общества / С.С. Комиссаренко. – СПб., 2003. – С.88–196.
7. Лотман Ю.М. Карточная игра / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства XVIII–XIX веков. — СПб., 1994. — С.136–163.
8. Лотман Ю. М. «Пиковая дама» тема карт и карточной игры в русской литературе / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1995. – 778 с.
9. Лукьянов А. Александр Пушкин в любви. Глава IX. "Я новым идолам несу свои мольбы..." (Брачная лихорадка) / А. Лукьянов. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/bio/lukeyanov-pushkin-v-lyubvi/glava-ix.htm> (дата обращения: 25.04.2021).
10. Панаев И.Н. Опыт о хлыщах / И.Н. Панаев. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=283806&p=1> (дата обращения: 19.03.2021).
11. Парчевский Г.Ф. Былой Петербург. Панорама столичной жизни / Парчевский Г.Ф. – Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1995. – 256 с.
12. Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в трёх томах. – М.: Худож. Лит., 1986. – Т. 2. – 527 с.
13. Пушкин А.С. Пиковая дама / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в трёх томах. – М.: Худож. Лит., 1986. – Т. 3. – 528 с.
14. Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 3 т. – М.: Худож. Лит., 1987. – Т. 3. – 528 с.
15. Пыляев М. И. Азартные игры в старину/ Пыляев М.И. – М.: Эксмо, 2008. – С.15
16. Ребель Г.М. Целостный анализ повести А. С. Пушкина "Метель"/ Г.М. Ребель. – Москва: Чистые пруды, 2006. – Вып. 5(11).
17. Хейзинга Й. Homo ludens / Й Хайзинга. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.
18. Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.) история игры и история общества / В.В. Шевцов. – Томск, 2005. – 244 с.

A.V. Karpenko

NAMES OF CARD GAMES IN THE WORKS OF A.S. PUSHKIN

This article presents the history of the development of card games in Russia and their significance in the cultural life of the nobility of the first half of the XIX century. The article also considers the card game as a part of the artistic world in Russian literature; the nominations of card games reflected in the works of A. S. Pushkin; the connection of the card game with the plot necessity. The relevance of the research lies in the study of the card game not only as a "universe", but also as a compositional device in the works of A. S. Pushkin.

Key words: *card game, commercial and gambling, pharaoh, Boston, Lomber, Vista, Lamush.*

ПОЭТ ДОНБАССА КАК УНИКАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Статья продолжает ряд исследований, посвященных изучению языковой личности поэта Донбасса в современной литературе на материале региональных поэтических текстов. Проведенный анализ показывает, что в своих стихотворениях поэт Донбасса проявляет себя как уникальная языковая личность, в которой вербализируется индивидуально-авторский опыт чувственного восприятия и познания окружающего мира через образные средства и регионально-отмеченные концепты.

Ключевые слова: языковая личность, идиостиль поэта, языковая картина мира, концептосфера, образные средства.

В начале XXI века в лингвистике обозначился поворот от собственно лингвокультурологического антропоцентризма к антропогенному исследованию семиотических факторов языка, к выявлению индивидуально маркированных свойств конкретных языковых единиц. Как отмечает языковед Ю.Н. Караулов, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [3, с. 7].

Актуальность нашего исследования заключается в том, что донецкий поэт как уникальная языковая личность еще не стал объектом и предметом научного изучения, так как лингворегиеоноведение как направление в современной лингвистике является совершенно новым и активно развивающимся. В этом плане, на наш взгляд, особого внимания заслуживает поэзия, рождающаяся в регионах огромного русского пространства, отражающая реалии, события, настроения, оценки действительности в русле так называемой региональной языковой картины мира.

Цель нашего исследования – обосновать уникальность языковой личности поэта Донбасса, создав её социолингвистический и лингвокультурологический портрет на основе принадлежащих ей текстов.

Объектом исследования являются тексты донецких поэтов, **предметом** – способы письменной вербализации языковой личности поэта Донбасса, особенности его мировидения и мировосприятия.

В настоящее время в лингвистике стало широкоупотребительно понятие «языковая личность» (далее ЯЛ), которое открыл В.В. Виноградов, а в лингвистический обиход ввел Ю.Н. Караулов. В рамках языковедческих дисциплин большое внимание уделяется изучению проблемы «язык и человек». Для современной науки личность представляет особый интерес, то есть это конкретный человек со своим внутренним миром, своим отношением к себе подобным, к судьбе, окружающему миру вещей. Язык является орудием мышления, инструментом познания, а главное – средством общения и не только передачи информации, но и своей оценки. Поэтому изучение общих языковых процессов приводит к изучению проблемы коммуникации и ее последствий, а значит, и к ее создателю – языковой личности. Сегодня существует большое количество попыток интерпретации феномена «языковая личность». Под «языковой личностью» следует понимать человека как участника коммуникации, с его семантико-структурной организацией речи, определенным тезаурусом, находящим отражение в языковой картине мира, психологическими и жизненными доминантами, мотивами и установками, которые аккумулируются в смысловой нагрузке текстов.

Изучение языковой личности поэта вызывает определенную сложность, связанную с отсутствием единого всеобъемлющего определения исследуемого понятия. Традиционно эта категория рассматривается как вербализованное воплощение человеческой личности, отражающее специфику индивидуально-авторской картины мира [Бахтин 1979; Виноградов 1977; Караулов 2002; Карасик 2009 и др.], в том числе в плане анализа речевого портрета или его фрагмента [Войченко 2012]. А. А. Буров рассматривает языковую личность творца художественного пространства поэтического текста в качестве «лингвопрагматического “преемника” традиционного образа автора-поэта» [Буров, Шинкаренко 2010].

В нашем исследовании, как мы покажем далее, в центре стоит поэт со своим особым эстетическим пространством, поэтическими языковыми средствами актуализации содержания текста, где следует учитывать такие моменты, как идиостиловый потенциал текстовой репрезентации поэтической картины мира, мировидение и мировосприятие поэта, формирование авторского идиостиля с регионально-отмеченными чертами. Модель языковой личности в пространстве личности автора поэтического текста преобразуется в субъективную форму миропознания. На наш взгляд, региональная языковая поэтическая личность как часть регионального социума должна обладать набором знаний и представлений (когнитивной базой) об окружающем ее региональном мире и уметь индивидуализировать эти представления. Так, например, Донецк в представлении его певцов – это *Город синих терриконов, / Город звонких тополей* (В. Шутов); *один из самых звездных городов* (Г. Щуров); *город / И металлургов, / И шахтеров, / И ярких доменных зарниц* (Е. Кузнецов); *Город угля и стали, / Город-юность и город-друг* (В. Труханов); *Этот город – банкир, пролетарий, немного бандит, / И в контрастах его – обаяние юности дерзкой* (Е. Лазарева); *город горячих домен* (А. Ревякина); в период нынешнего военного конфликта он вербализуется в иные метафорические образы: *Мой город оглох от бомбёжек* (Е. Ромащук); *Мой город роз... не сдавший высоту* (В. Шатохина); *город, партизаном засевавший в степи* (А. Долгарёва).

Раскрыть сущность языковой личности поэта – значит проникнуть в тайны его языкового сознания, выявить речевую доминанту образа автора, описать словесные формы выражения авторского «Я». Проблемы языковой личности таят в себе значительный потенциал, способный дать новый стимул изучению художественной речи [9, с. 79]. Трудно не согласиться со следующим высказыванием: «Донецкий поэт по своей экзистенции – шахтер, провидец и прорицатель, глядящий не столько в даль времен, сколько в глубь и в высь» [4, с. 93]. Поэт во все времена находится в гуще происходящих событий, можно сказать, на передовой (теперь уже, как и в годы Великой Отечественной войны, в прямом смысле). Своими стихами он пытается донести до читателя правду жизни. Для того чтобы передать в произведении реальный или вымышленный мир, автор прибегает к словесному образу как художественному приему освоения и преобразования окружающей действительности [5, с. 132]: *Мужайся, город непорочный, / Где каждый дом / Проверен «Градами» на прочность, / Крещен огнем* – рисует современную картину донецкого мира поэт Дмитрий Трибушный.

Ю.Н. Караулов очень точно сказал: «... своеобразие языковой личности определяется языком, которым она пользуется» [3, с. 46]. Слово для поэта является надежным инструментом выражения его чувств и мыслей наглядно, т.е. через использование художественных возможностей слова:

— его звучания: *У малой родины моей / Большое пламенное сердце* (И. Волосюк), *«Антрацитный, коксовый, чугунный / Край ты мой, звенящий на заре!»* (В. Калиниченко);

— многозначности: *Эти войны – дети кротами изрытой земли* (А. Ревякина), где слово *крот* обозначает не вредителя приусадебных хозяйств, а, на местном сленге, самого шахтера;

— метафоричности: *«Один из самых звездных городов: / над ним – дорог космических орбиты, / под ним – орбиты угольных пластов»* (Г. Щуров), *«Мы – подвальные, мы – опальные, кандалы наши тяжелы»* (А. Ревякина), где сильна оценочно-изобразительная и оценочно-характеризующая роль адъективной метафоры;

— коннотативных наслоений: *«Мой город болен. // Оспины воронок / Уродуют красивое лицо»*, где «лицо» современного Донца описывается все чаще с помощью метафоры болезни и ассоциируется с больным человеком;

— необычной сочетаемости *«Здесь уголёк замешан на крови»* (В. Руденко);

— окказионального словообразования: *С добрым утром, моя Террикония* (В. Чемитов);

— символизации: *У Марии дрожат колени, / над Марией молчит луна / коногонкою в небе буром – / немигающий глаз отца* (А. Ревякина), где простой предмет шахтерского снаряжения *коногонка* становится символом света и надежды;

— нагнетания однородных компонентов и сочиненных рядов: *Был столько раз оболган, продан, предан* (В. Скобцов); *Он прям, упрям, он тверд, не терпит лени, / Он бил всегда за подлость по зубам, / Он никого не ставил на колени, / Поскольку никогда не станет сам* (В. Скобцов) и т.п. В последнем примере мы наблюдаем прием аллюзии на известный прецедентный текст П. Беспощадного, представляющий фигуру интертекста. Одни поэты для усиления выразительности слога прибегают к фольклорным и народно-песенным средствам и мотивам: *Бьет война тебя в центр и в околицы, / Моя Горловка, моя горлица* (И. Быковская); *Я бы вышила хоть бы платочек, / Чтоб его дорогому отдать. / Выйди во поле чисто, милочек, – / Разогнать супостатову рать* (Н. Литвиненко); другие к религиозным, молитвенным: *Спаси нас, Господи, мы слабы – / от минометного огня, / стрельбы и ненасытных «Градов», / мы сами не спасем себя* (Л. Гонтарева).

Надо отметить, что донбасское поэтическое слово в полную силу зазвучало почти век назад. Первым, действительно известным донбасским поэтом стал Павел Беспощадный, который в своей поэзии воспевал шахтерский труд. Первый сборник стихов, написанный в 1930 г., называется «Каменная книга», где уже по названию видно, что речь будет идти о Донбассе, где главным героем является шахтер, а главной ценностью – шахтерский труд: *...Я стою над каменной книгой, / Предо мной богатые пласты...* и далее: *Я ведь твой читатель не случайный, / Многотомный каменный Донбасс*. В данном стихотворении сразу можно отметить специфические региональные номинации, которые в Донбассе приобретают большую значимость и ценность: *В черный улей, в каменные соты..., богатые пласты...* и др. И, конечно, нельзя не вспомнить строчки из стихотворения «Донбассу жить» (1942): *Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано*, которые стали не только крылатым выражением, но и девизом всей жизни промышленного края, включая и наше время. Старый и новый Донбасс, труд советских шахтёров, трудовые и боевые подвиги донбассовцев — основные темы поэзии Павла Беспощадного, связанной с традициями рабочего фольклора: *Труду открыто сердце настезь, / О нем стихов слагаю строки. / В песчинке вижу горы счастья, / В углинке — чугуна потоки*. Особые чувства – главному богатству Донбасса: *И камень – товарищ нетленный - / Горит на заре, что алмаз...*

Справедливо отмечает А. Ю. Коробов-Латынцев: «Литература рождается в особом классе – классе рабочей интеллигенции – это литературное творчество пролетариев. Донбасские поэты и писатели имеют специальность, работают, а то и

совершают трудовые подвиги, на предприятиях: шахтах, заводах, кочегарках и т.д., создают художественные произведения, наряду с общественной работой и волонтерством в типографиях, многие из них имеют опыт работы корреспондентом. И это крепкий фундамент дальнейшего развития литературного творчества в регионе» [2, с. 149].

Творчество поэтов Донбасса советского периода тематически часто было обращено к описанию судеб Донбасса в Великую Отечественную войну – Л. Кирьяков, В. Шутов, Н. Рыбалко, Г. Щуров, В. Труханов и др. Так, Л. Кирьяков писал: *Ракета вспыхнула во мраке, / Собою осветив весь мир, / И, призывая нас к атаке, / «За мною!» - / Крикнул командир. // «За Родину!»* [34, с. 267-268] или Н. Рыбалко:

*Я жил в такие времена,
в такие дни,
в такие даты!..
Меня, безусого,
война
До срока призвала в солдаты.
И в красноезвездного меня
Сто пушек целилось, наверно.
Москву собою заслоня,
Весь мир прикрыв я в сорок первом.* [34, с. 348]

Как утверждает Н.П. Курмакаева, творчество писателей Донбасса послевоенного периода тематически было разнообразно, однако его условно можно объединить в три направления: 1) история края и его тружеников; 2) Великая Отечественная война и подвиги героев Отечества, причем не только фронтовые, но и тыловые, трудовые; 3) послевоенный советский мирный Донбасс – мощный индустриальный, процветающий, устремленный в будущее (Г. Володин, Л. Жариков, Н. Рыбалко, В. Титов, П. Чебакин, В. Шутов и мн. др.) [5, с. 114]. Нынешний Донбасс – это еще и затянувшийся военный конфликт, который получил мощное отражение в поэтическом творчестве современников. Это говорит о том, что языковая картина мира военного и послевоенного Донбасса обогащалась и продолжает обогащаться самыми разными, часто уникальными, поэтическими находками творцов: *Партизан – Донбасс* (П. Беспощадный), *Город синих терриконов* (В. Шутов – о Донецке), *...террикон – мои донецкие Карпаты* (О. Кожемяка), *степная израненная Атлантида* (А. Федорова о «малой родине»).

Языковая личность каждого поэта обладает особой концептосферой. Совокупность концептов формируется в национальную концептосферу, которая в свою очередь выделяется из общей языковой картины мира, носителем которой является языковая личность. Безусловно, все люди одинаково членят окружающий мир, используя одни и те же когнитивные процедуры, познавательные процессы, умозаключения и механизмы категоризации. Однако конфигурации используемых концептов и трансформации их смыслового содержания всегда являются неповторимыми [9, с. 79]. Опираясь на определенные исследовательские прецеденты, возможно говорить о лингвоконцептосфере донецкой речи – языковом явлении, имеющем свою оригинальную смысловую и информационную базу когнитивного сознания народа и отдельных личностей, отраженном в языковой картине мира. Центром, ядром без преувеличения является сам хороним *Донбасс*, вбирающий в себя не только географические, ландшафтные номинации и образы: *Чёрным золотом славен Донбасс* (В. Русанов), но и мифопоэтические скрепы, в которые заключено утверждение силы и красоты духа как смысловой квинтэссенции региона, носящего это

имя: *Мозолиста ладонь Донбасса. Характер крут* (В. Мостовой); *Мы – донбасские сестры и братья* (И. Быковская); *Я не только пишу о Донбассе, / Я Донбассом живу и дышу* (П. Беспощадный); *Донбасский характер упрямый / Извечно поставлен на кон* (И. Кучерова); *Но всех врагов сумело победить / Донбассовцев незыблемое братство* (В. Герланец) и др. Концептуализация Донбасса как шахтёрского и свободолюбивого края через механизмы репликации существует во множестве текстов общего регионального пространства: *В земной коре, среди Европы, / Кругом, куда ни глянет глаз / Раскинул угольные копи / Огромный угольный Донбасс* (Н. Лобанов).

Из этого следует, что в структуре донецкой речи присутствуют определенные региональные мыслительные единицы – концепты, такие, как: *Донбасс, шахтер, уголь, террикон* и др., а в настоящее время особую значимость приобретает концепт *война*. Образ войны в современной поэзии Донбасса стоит в центре картины мира, и современные поэты для описания происходящих событий отыскивают и используют всё новые и новые образные средства: *Войною нежданной грянул / Сегодняшний «бешенный» век...* (И. Кучерова) [1, с. 16–18]; *А на войне, как на войне, / Дорожке жизни смерть вдвойне, / Мы переплавились в металл, / Прочней металла мир не знал* (В Скобцов); *Мы – форпост затяжной войны* (А. Ревякина).

Донбасс подарил человечеству целую плеяду талантливых и неординарных поэтов, которые в своих произведениях создали совершенно уникальную картину регионального мира с его трудовыми и боевыми буднями. Несомненно, можно писать о каждом поэте как о своеобразной языковой личности, создавшей свой неповторимый поэтический образ мира. Причем в Донбассе много поэтов, творчество которых разделилось на «до» и «после» (до войны и после мира), например, современный поэт Донбасса – Иван Нечипорук, который не понаслышке знает, что такое шахтерский труд, так как работал на шахтах Донбасса горнорабочим очистного забоя и горномонтажником в механизированной лаве. Поэтому в его стихах производственный процесс и промышленные реалии сливаются с реалиями человеческого естества в один работающий организм:

*Тех шахт артерии живые,
Как вертикальная река.
Не клетки - клетки стволы,
Донецких копей ДНК* [6, с. 81]

Иван Нечипорук – один из немногих, кто соединяет в себе талант поэта и высокий профессионализм шахтера, чья работа и в мирные дни сравнима с военными подвигами. В его лирике отчетливо и сильно звучат гражданские, философские и городские мотивы. Своих высот его поэзия достигает в самых разных регистрах и с разными оттенками чувств и оценок:

– восхищения и уважения: *Мои татуировки от угля, / На мне Донбасс свои поставил метки. / Штрихи на коже мне залогом крепким – / По ним меня запомнит мать-Земля. И знаю я: со мною непреложно / Донбасс в душе, на сердце и подкожно* [6, с. 81];

– патетичности: *Но дух твой бессмертен, и образ твой светел – / Великий Донбасс!*

– метафоричности: *Рождается за скрежетом сигнала / Искрящая поэзия угля, / И музыка звенящего металла. // Пусть пыль утяжеляет тучный мрак, / Но золотится в свете коногонки / Конвейера поток спешащий, звонкий;*

– спокойного созерцания и глубокой философичности: *В тебе сплелись каменоломни / И угольных цветов пыльца;*

– сопричастности, ответственности: *Пепел Донбасса стучит в моем сердце;*

– боли и сострадания через натуралистические зарисовки: *Нынче смерти в городе привольно, / Не смолкает канонады грохот, / И летят сквозь тьму то смерч, то град. // Спрашивает маленькая кроха: «Мамочка, а умирать не больно? Это словно кровь из пальца брать?»*. [8, с. 49]

Помимо стихотворений о мирном Донбассе, И. Нечипорук пишет и о страшной войне, которая пришла в Донбасс. Эти стихотворения, рассказывают о нелегкой, драматической судьбе друзей-шахтёров, земляков поэта, нежданно оказавшихся на границе между войной и миром:

*Время шло размеренно и ровно,
Но теперь страна моя в огне.
Не закончится всё мирно, любовно –
Быть войне!* [8, с. 34]

Лирика И. Нечипорука в изобилии содержит в себе различные образные средства, с помощью которых поэт донес до нас свои переживания, эмоции, чувства. Следует отметить, что одним из самых распространенных средств выразительности поэта является метафора войны, причем можно выделить несколько ее разновидностей:

– коннотонимная: *Город мой – Иов многострадальный / На распятыи четырёх дорог...* [8, с. 51];

– экспрессивно-оценочная: *Кому-то покажется быт здесь убогим, / Увечным, поруганным, не экстра-класса* («На окраине Русского мира»);

– субстантивная оценочно-сравнительная: *«Город – пёс, зализывая раны, / Смотрит с верой в солнечный рассвет»* [8, с. 26];

– глагольная экспрессивная: *Город плюсют, и нет артобстрелу конца. // Рвутся снаряды и рвутся сдающие нервы.* [8, с. 50]

– адъективная оценочная: *Мой город от тоски седой...* [8, с. 54];

– фразеологическая: *Платит кровавою данью / Город, поверивший в мир* [8, с. 55].

В стихотворениях И. Нечипорука часто употребляются сравнения и эпитеты, с помощью которых автор передаёт нам свою оценку войны: *Солнце войны, как горящий сестерций, / этим огнем никому не согреться...*, *Льётся кровавая речка-Эпоха; Моя страна, как будто Колизей, / Где каждый день задымленей и мглистее.* Нередко он прибегает к аллюзиям: *Донецкий кряж – алтарь для гекатомб...*; *Пал гордый город Илион; Одурев в предчувствии войны, / Лилипуты валят гулливеров / С постаментов гибнущей страны,* где «гекатомба» отсылает к поэмам Гомера (например, к «Илиаде»), обозначая там торжественное жертвоприношение из ста быков. Илион (или Троя) – знаменитый, известный по гомеровским поэмам город в Малой Азии. Последние номинации отсылают нас к роману Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера». В новом синтагматическом окружении выделенные слова приобретают иные, современные, смыслы.

Таким образом, можно сделать вывод, что каждая языковая личность уникальна, обладает собственным «знанием» языка и особенностями его использования. Поэт, как языковая личность, проявляет себя в речевой поэтической деятельности, во всей совокупности производимых и потребляемых ею текстов. Она обладает сложной многоуровневой и многокомпонентной структурой, представляет собой парадигму речевых личностей. Известно, что речевой портрет поэта формируется как совокупность а) идиостилия данной языковой личности и б) художественной картины мира как варианта языковой картины мира. В поэзии Донбасса поэты приобретают и третий, главный компонент – региональную картину мира. Она не просто несёт на себе национально-культурный отпечаток в виде общих представлений о мире, она – отражение особой модели регионального мышления, особого языкового сознания.

Языковая личность автора поэтического текста – уникальная категория текстового и дискурсивного пространства и может рассматриваться как динамическое равновесие субъекта и объекта личностно-речевого портретирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донецкий край, в стихах воспетый: сборник лучших стихотворений участников открытого конкурса поэтического творчества «Донецкий край, в стихах воспетый» / Составители: И. А. Пилипенко; ред. О. А. Пинзон; отв. за вып. И. А. Горбатов. – Донецк, 2017. – 152 с.
2. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Изд-во ООО «НПП» Фолиант», 2018. – 265 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. / Ю. Н. Караулов. Изд. 7-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Кравченко О. А. Донбасс как топос и пафос // Современное есениноведение. / О. А. Кравченко – 2018. – №4. – С. 93–96.
5. Курмакаева Н. П. Введение в лингворегионоведение: Теоретический курс: Учебное пособие / Н.П. Курмакаева. – Донецк, 2019. – 191 с.
6. Курмакаева, Н.П. Практикум по лингворегионоведению: Учебно-методическое пособие / Н.П. Курмакаева. – Донецк, 2019. – 114 с.
7. Литература родного края: Хрестоматия для учащихся 5–11 классов / Составители: Г. Н. Король, Л. В. Мельникова, Н. А. Коняшина, В. Н. Пеньков, Т.А. Верланова. – Донецк, 2016. – 505 с.
8. Нечипорук И. «Немолчание» стихи // Библиотека журнала «Пять стихий» / И. Нечипорук - 2015. – 148 с.
9. Паршина И. Г. Языковая личность поэта в региональном пространстве словесно-художественной картины мира / И. Г. Паршина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – № 5 (59). – 2011. – С. 78–82.

A.S. Marchenko

THE POET OF DONBASS AS A UNIQUE LINGUISTIC PERSONALITY

The article continues a number of studies devoted to the study of the linguistic personality of the poet of Donbass in modern literature on the material of regional poetic texts. The analysis shows that in his poems the poet of Donbass manifests himself as a unique linguistic personality, in which the author's individual experience of sensory perception and cognition of the surrounding world is verbalized through figurative means and regionally marked concepts.

Key words: *the language personality, the poet's idiosyncrasy, the language picture of the world, the conceptual sphere, figurative means.*

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ДОНЕЦКОГО ПОЭТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА К. ПЕРШИНОЙ)

В статье исследуется дискурсивная личность донецкого поэта на материале творчества К. Першиной. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания всестороннего описания дискурсивной личности поэта, что позволит уточнить и расширить понятие дискурсивной личности в целом, а также глубже изучить лингвопоэтические особенности региональных художественных текстов. В ходе исследования определены лексические особенности формирования дискурсивной личности поэта.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная личность, символ, региональная лексика.

Дискурсологические исследования уже не одно десятилетие привлекают внимание языковедов. Разрабатывается и уточняется терминология этой области (Т.А. ван Дейк, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов) – в частности само понятие дискурса, обосновываются различия между дискурсивной и языковой личностью (Л.Н. Синельникова), активно описываются различные типы дискурса и дискурсивной личности (Е.Г. Малышева), совершенствуются модели и методы изучения отбора языковых средств, обусловленного тем или иным дискурсом.

Вместе с тем, многомерность и широта понятия «дискурс» провоцирует появление всё новых аспектов, требующих внимания исследователя. Так, в частности, несмотря на достаточную разработанность теории дискурсивной личности (В.И. Карасик), в современной лингвистике еще не создано подробное описание дискурсивной личности поэта. Существующие исследования сосредотачиваются на изучении языковой личности автора поэтических текстов (М.С. Шинкаренко, Д.Н. Жаткин) либо на поэтической речи как самостоятельном объекте анализа (И.И. Чумак-Жунь). В данной статье предпринимается попытка описания дискурсивной личности донецкого поэта с точки зрения его лексикона. Это исследование – часть комплексной работы по созданию объемного дискурсивного портрета современного поэта Донбасса.

Среди подходов к изучению дискурсивной личности поэта оптимальным представляется субъектный подход, предложенный В.И. Карасиком наряду с инструментальным, тематическим, режимным и акциональным. В рамках субъектного подхода Карасик выделяет два типа взаимодействия между участниками диалога: бытовое и бытийное. Бытовое предполагает сокращенную дистанцию между говорящими, их личное знакомство, охватывает в основном обиходные темы и тяготеет к устному выражению. Бытийное же выходит за рамки предметного будничного общения, оно направлено на раскрытие внутреннего Я участников диалога, касается абстрактных умозрительных понятий, и, по замечанию Карасика, уже поэтому абсолютное взаимопонимание между говорящими в бытийной плоскости невозможно, хотя и служит недостижимым идеалом. Бытийный дискурс нередко разворачивается в письменной форме, которая даёт возможность продумать и тщательно сформулировать мысль. Если в бытовой дискурс так или иначе погружены все, то в бытийном, по мнению исследователя, нуждаются не все – в него включаются по мере созревания личности, когда человек уже имеет некоторый опыт рефлексии [4, с. 58-62].

Главной разновидностью бытийного общения Карасик называет поэзию. На первый план здесь выходит процесс дешифровки символов, которыми насыщен поэтический текст. Безусловно, полное взаимопонимание между автором и читателем в такой ситуации вряд ли возможно, поскольку символ в культурологическом срезе обладает «множеством значений и необыкновенной смысловой ёмкостью» [1, с. 136]. Но именно благодаря своей многомерной природе символ способен вывести диалог на такой же многомерный уровень, оторвать его от бытовой однозначности и конкретности. При этом нельзя сказать, что дешифровка символов поэтического текста – это вольная, лишенная направления и логики интерпретация. Читатель – сознательно или бессознательно – опирается на известные ему толкования, предзаданные для того или иного символа (в качестве примитивного примера: черный цвет – цвет смерти и печали; птица – символ свободы и полёта и т. д.), на собственный жизненный и эстетический опыт, иногда – на сведения об авторе и его эпохе. Кроме того, огромную роль в налаживании диалога между автором и читателем играет факт их землячества. В таком случае и пишущий, и читающий стоят на общей культурной и исторической почве, которая, как правило, рождает свои символы, известные и понятные жителям этой земли.

Таким образом, приняв за исходное положение мысль В.И. Карасика о том, что поэзия находится в плоскости бытийного дискурса и анализ действующей в этом дискурсе личности автора заключается, главным образом, в поиске и интерпретации символов поэтического текста, мы в этой статье исследуем дискурсивную личность современного поэта Донбасса с точки зрения его работы с символами.

Для исследования были взяты тексты современного донецкого поэта Ксении Першиной. Материалом послужили 36 стихотворений – гражданская, философская и любовная лирика. Тщательное многократное прочтение позволило обнаружить, что в текстах автора есть преобладающая по частоте употребления лексика, которую можно разбить на несколько тематических групп. На основании критериев частоты употребления и смысловой многозначности путем сплошной выборки было сформировано пять тематических групп, которые в значительной мере создают символическое поле стихотворений и составляют весомую часть словаря автора.

Первая и наиболее обширно представленная группа – это религиозная лексика, преимущественно библейская. В текстах зафиксировано 26 случаев использования слов или словосочетаний, непосредственно называющих явление или понятие из христианского вероучения («Христос Воскрес», «крест», «святцы», «Господь») либо – что встречается гораздо чаще – включенных в аллюзивную языковую игру: «крепко как смерть сверло» (ср. «крепка как смерть любовь» Песн. 8:6), «мало быть нищим, надо ещё убогим» (ср. «блаженны нищие духом» Мф. 5:3), «как первый брошенный в меня тобою камень» (ср. «кто без греха, пусть первым бросит в неё камень» Ин. 8:7), «любой, кто всеу соседа хотел убить», «и я хотела если не Сион, то Арарат почувствовать под пяткой», «и эта сгоревшая спичка сегодня же будет в раю» (ср. «истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною раю» Лк. 23:43). Языковая игра позволяет автору наделять функцией символа и лексику изначально конкретную, нарицательную: «сухая облатка праха», «таблетка завета», «небесная методичка». Некоторые известные библейские символы автор помещает в контрастный по смыслу или даже почти абсурдный контекст, создавая неожиданный образ: «упоительный страшный суд», «на какой-нибудь черный день, безрассудный, судный», «как мы Богу кидали картинки и песни в личку».

Наравне с библейской лексикой обширно представлена группа слов и словосочетаний, отсылающих к общемировым и национальным культурным символам (также 26 примеров использования). Здесь, в свою очередь, можно отдельно обозначить

круг античных образов: «Антигона домашняя и ручная», «Афродита – стопы в черной пене», «отжившая Троя». Автор «освежает» привычные имена и символы путем поэтической деконструкции: «*homo homini* – волк и мясо», «а хотелось быть греком с фамилией вроде икса / на пороге любви – своего подзаборного стикса, / на пороге войны, эдипова первого секса».

Большую роль играют в текстах К. Першиной аллюзии на произведения мировой и русской классической литературы. Помимо прямых упоминаний фамилий поэтов и писателей («песок сквозь пальцы просыпается на Рильке», «и говорить, как Достоевский, не про то», «быть может, Дант пел соловьем и Байрон филином устало»), цитирования («ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи»), использования фрагментов стихотворений в качестве эпиграфов, автор переосмысляет образы известных литературных героев – в частности Офелии, Гертруды, Гамлета, иногда путем отождествления лирической героини с ними: «ты постарался, в аду из угла не дует, / подтекает из сердца вино, суета из сует, / у Карениной стойло, злачное и парует, / а в целом, на равных условиях, не фильтруют» (письмо Гертруды Гамлету).

Наряду с литературными образами в текстах К. Першиной встречаются отсылки к театральному искусству *дель арте* («бешеный арлекин», «чреватая коломбина») и к мировой живописи: «помнишь девочка в том дворе, пуховик как пена, / смотрела на нас, раскачивала качели, / индифферентна, как Венера у Боттичелли».

В использовании культурного материала из разных областей искусства и разных эпох автор демонстрирует постмодернистский принцип намеренного смешения символов. Поэтому мать Гамлета Гертруда и Анна Каренина заключены в одном кругу ада как неверные жены. И поэтому же, например, эпиграфом к стихотворению «Офелия» служит строка из песни группы «Аквариум», а в самом тексте шекспировская героиня сравнивает сама себя с Лорой Палмер – героиней культового сериала «Твин Пикс», тело которой вынесло на берег водой: «меня постоянно выносит, как Лору Палмер».

Большинство исследованных текстов написаны в период с 2014 до настоящего момента, то есть во время военного конфликта в Донбассе, очевидцем которого был и остается автор. Поэтому в текстах широко представлена также военная лексика – это вторая по численности группа (18 примеров). В ряде случаев слова используются в своем прямом номинативном значении: «военные действия», «пехота», «огнестрел», «перемещенные лица», но большая часть военной лексики все же служит созданию общего символического поля текстов: «беспокойным знаменем шевелия, солнце снова за дом сползает», «у весны за спиною заградотряд, и она подступает близко», «помнишь, проехали все барьеры, все контрольные точки», «расщедрится земля, и будет урожай воссозданных хлебов и тучных минометов».

Ещё одну значимую часть словаря автора составляют понятия, ассоциированные с советской эпохой (14 случаев употребления). У автора они создают сложный амбивалентный и отчасти ностальгический историко-культурный фон: здесь и атрибуты традиционного советского детства («пионерские костры», «звездные визги детей/ и хора, поющего “по просторам...”»), революционные символы («красные флаги», «расстрельная тройка»), отсылки к известным советским песням («и белые знамена вздымались надо мной / Сереги с Малой Бронной и Витьки с Моховой» – песня М. Бернеса). Переосмысление этих образов происходит за счет включения их в метафорические или нарочито нетипичные контексты: «они тебе молчат, как голос Левитана», «в пролетарской кислотной косынке», «можешь смело меня записать в скрипачи ЧК», «можем старую азбуку нашу н-к-в-д написать ветерком по зеленой речной воде».

Наконец, символическое поле текстов К. Першиной насыщают образы, напрямую отсылающие к реалиям Донецка и Донбасса, либо ассоциированные с регионом. Общеизвестные характеристики Донбасса как степного края и края шахтеров («полезные запасы», «беспочвенный синдром донецкий, шахтный», «плещут волны ковыля в районы спальные») автор поэтически перерабатывает, дополняя еще одной – печальной – характеристикой: Донбасс – это территория, где идет война: «нам ведут языка: говорит объективу пленный, / что гортань его стала уголь, а слово – вес, / и, пройдя сквозь забой, он готов выдавать нам норму». Кроме того, К. Першина использует в текстах образы, которые будут понятны в полной мере только жителям этой земли: «толпа, говорок, вразлет макинтош вождя» (дончанин понимает, что речь идет о памятнике Ленину на одноименной площади); «под землей гудит inferнальная электричка не прорытого здесь метро» (жители города хорошо знают о проекте донецкого метро, которое планируют построить уже не одно десятилетие); «тут всякая стоит вода, труба мирская мироточит» (в Донецке главные водоемы – это водохранилища со стоячей водой и даже в реке Кальмиус нет видимого движения воды; «труба мирская мироточит» – отсылка к частым коммунальным проблемам); «на Мушкетовском кладбище – крашенные куличики» («Мушкетово» – самое старое и большое кладбище города, где на Светлой неделе собирается множество людей, чтобы помянуть родственников).

Таким образом, можно увидеть, что дискурсивная личность донецкого поэта Ксении Першиной на образно-символическом уровне представляет собой совокупность нескольких тематических пластов: христианского, военного, общекультурного, советского и регионального, которые, встречаясь в одном контексте, взаимопроникая и смешиваясь, создают самобытное символическое поле стихотворений и характеризуют самого автора как человека с широким гуманитарным кругозором, осознанно включенного в общемировое культурное пространство, имеющего определенную религиозную и гражданскую позицию, поэтически осмысляющего историческое прошлое и настоящее своей земли и свою частную жизнь.

Это исследование в перспективе будет дополнено анализом творчества ряда других донецких авторов, что позволит на обширном материале исследовать особенности дискурсивной природы региональной поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136-137.
2. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – Санкт-Петербург : Паритет, 2006. - 314 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 20. № 4. С. 56-77.
5. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст. С. 23-33.
6. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: научная монография / Е.Г. Малышева. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. – 324 с.
7. Плотникова С. Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса. Иркутск, 2005. С. 5-16.

8. Синельникова Л. Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» // Л. Н. Синельникова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63). 2011 г. №2. Часть 1. – С. 454-463.

A.D. Tverdyk

DISCURSIVE PERSONALITY OF THE DONETSK POET (ON THE MATERIAL OF THE CREATIVITY OF K. PERSHINA)

The present article examines a discursive personality of Donetsk poet on the basis of works by K. Pershina. Relevance of this topic arises from the need to create a comprehensive description of the poet's discursive personality. This allows to clarify and further expand the whole concept of the discursive personality, to conduct a deeper study of the linguopoetic features of regional literary texts. Lexical features of shaping the poet's discursive personality are identified in the study.

Key words: *discourse, discursive personality, symbol, regional vocabulary.*

УДК 81'373

Э.А. Титаренко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОНБАССА

В статье проанализированы разноуровневые языковые средства выражения семантики интенсивности в фольклорных произведениях Донбасса и представлена классификация лексем и конструкций со значением интенсивности по типологической матрице для эмотивных интенсификаторов, предложенной в работе Г. И. Берестнева, И. Б. Васильевой. Данная классификация, ориентированная на выявление механизмов интенсификации, дополнена понятием «нарушение ментальных границ и возможностей человека».

Ключевые слова: *семантика, интенсивность, мотивирующее основание, донбасский фольклор.*

Лингвистическое изучение категории интенсивности и механизмов интенсификации ориентировано на прагматический аспект изучения языка – «как формы отражения аксиологических приоритетов современного русского языкового сознания» [6, с. 152]. Современные когнитивные разыскания ученых направлены на установление механизмов интенсификации и описание аксиологических приоритетов русского языкового сознания. С. Е. Родионова отмечает актуальность изучения категории интенсивности, ее роли в формировании «ментальных миров» в разных типах дискурса [там же].

В исследованиях категории интенсивности, выполненных в рамках функционально-грамматического направления, предметом анализа становились, как правило, разноуровневые языковые средства (лексические, фразеологические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и фонетические). Несмотря

на многочисленные исследования категории интенсивности, как в плане теоретического обоснования данного лингвистического явления, так и в плане особенностей его реализации на определенном языковом материале, актуальным считаем анализ специфики реализации семантики интенсивности на материале фольклорных произведений.

Цель статьи – проиллюстрировать разнообразие языковых средств выражения семантики интенсивности в фольклорных произведениях Донбасса, классифицировать их по типологической матрице, представленной в исследовании Г. И. Берестнева, И.Б. Васильевой по типологической матрице, выявить особенности мотивирующих оснований интенсификаторов в фольклорных произведениях. Материал исследования – сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым [4], и байки, сказы и бывальщины старого Донбасса в изложении Евгения Коновалова [2].

Анализ лексем и конструкций со значением интенсивности начнем с их рассмотрения на разных языковых уровнях. Так, к словообразовательным средствам выражения интенсивности относят суффиксы и префиксы. В проанализированных нами фольклорных произведениях с усилительным значением часто употребляются приставки *раз-*(*рас-*); *пре-*; *по-*: *милый не любит меня, ох, разнесчастная я* (Тут же: *навстречу помчуся и расцелую его*) (частушка); *Распроклятый рудник пятый, Где ты милого упрятал?* (частушка); *а кто тебя разобидел?* («Бархатная злодейка, гремучий дедушка и веселящий понюшок»); *Одна яма там такая Преогромная, большая* (частушка); *Как подсохло совсем, понаехали к их жилью степняки на весенний праздник* («Караульщик огневого камня»). Согласно словарным толкованиям: *разнесчастный* – разг. ‘очень несчастный’; *расцеловать* – ‘поцеловать крепко, много раз’; *распроклятый* – разг.-сниж. ‘самый проклятый’, *разобидеть* ‘сильно обидеть’; *преогромный* – разг. ‘весьма огромный, громадный’; *понаехать* ‘наехать во множестве’.

Как правило, что суффикс *-оват-* (*-еват-*) образует прилагательные со значением оттенка ослабленного качества (несколько, слегка) – *сладковатый*. Приведем примеры реализации данным суффиксом значения интенсивности: *Как получку получил да сосчитал – оказалось многоовато* («Деньги от Шубина»); *А что брат Еремей, не загасить, ли нам костра? Жарковато и без него!* («Дырявый кафтан»). Значение усиления признака реализует и суффикс *-ющ-*: *Хитрющая наука!* («Бархатная злодейка, гремучий дедушка и веселящий понюшок»).

К морфологическим средствам выражения интенсивности относят степени сравнения имён прилагательных, слов категории состояния и наречий. В проанализированных фольклорных произведениях отметим частое использование наречий, частиц и числительных. Для усиления значения слова употребляются наречия *до чего ж* (разг.), как: *До чего ж красив наш край, Как хорош Донбасс мой!*, просторечная частица *аж*: *Клетка дернула, рванула, Аж у сердце холонуло* («На Донской земле привольной»). Противопоставление числовых значений: единственное – множественное число также служит средством выражения семантики интенсивности: *И церковь ставить буду. Две сразу – немецкую и русскую* («Синий заяц»).

На синтаксическом уровне значение интенсивности в фольклорных произведениях реализуется посредством:

- повторов: *И пошли, пошли, пошли Плясать без передышки* (частушка); *расскажи да расскажи про хозяина* («Синий заяц»); *Хорош уголь! Ну до того хорош – лучше не бывает!* («Дырявый кафтан»),

- антитезы: *Что, – дескать, – вы? Вот у меня шесть рудников и два завода!* («Синий заяц»);

- генитивных предложений: *А следов-то! Заячьих, лисьих и прочих, но их Никита не разумел по незнанию* («Караульщик огневого камня»);

- сложноподчиненные предложения контаминированного (местоименно-союзного) характера: *Знаю, что в земле его так много, что на тысячу лет его вам, людям, хватит* («Притча об угле»); *Были тут, правды, и русские мастеровые, но так переделанные на иноземный лад, что и на своих уже не походили* («Дырявый кафтан»); *А девки и впрямь столь были хороши, что ничего на свете не могло сравниться с их красотой, разве только утренние полевые маки* («Сказ Сорвиленской горы»).

Нередко одновременно используются разноуровневые языковые средства: *Горячо полюбила Марья Евсея. Полюбила первый раз больше, чем отца с матерью, больше своей жизни* («Мария-Глубокая»); *Повалил народ. Закипела работа* (Атаман); *Возгордился вскоре от непомерных людских похвал отбойщик. Через губу не переплюнет. Ходит фертом, ни на кого не глядит* («Деньги от Шубина»).

Приведем примеры выражения семантики интенсивности посредством **фразеологизмов**: *Только кайлушком помашет, Зато денежки гребет...* (частушка); *в работе рук не покладая* («Земля родная – Донбасс»), *Шахтёр пану не родня – его бойтесь как огня* (пословица); *трудятся в поте лица* («Дырявый кафтан»); а также случаи трансформации устойчивых выражений: *Хлеб даешь донбасский на-гора!* («Земля родная – Донбасс»). *У нас тому почёт, у кого уголь, как река – на-гора течёт* (пословица).

Когнитивный анализ семантики интенсивности предполагает установление механизмов интенсификации. Г. И. Берестнев, И. Б. Васильева, проанализировав эмотивные интенсификаторы (образуются суффиксальным способом от эмотивного прилагательного или адъективированного причастия, четко выявляя при этом словообразовательную логику, демонстрирующую их мотивацию, а также ориентированность на эмоциональную сферу человека), выделили следующие мотивирующие основания для их образования: «большой размер» или «большое пространство», «большое количество», «достижение предела» или «выход за пределы границ», «явность» или «очевидность», а также «отрицательные последствия некоторых событий» [1, с. 27]. В работе предпринята попытка общей классификации лексем и конструкций со значением интенсивности (не только эмотивных интенсификаторов) по данным мотивирующим основаниям.

1. Психологическое воздействие (аффект)

1.1. Страх, ужас: *Пятачок нашла – деньгу страшную* (частушка); *И до ужаса не любит За работу браться* (частушка); *В безмолвии жутом, как в мрачной тюрьме, Работаю в шахте сырой* («Дума углекопа»).

1.2. Сильное удивление, глубокое впечатление: *Хозяину тожсет приятно такое слышать. Аж вспотел от этих приятственных слов* («Синий заяц»); *Любопытный до всего страсть какой!* («Синий заяц»); *Ефимка забыв, где находится, завизжал от радости* («Синий заяц»); *Клетка дернула, рванула, Аж у сердце холонуло* («На Донской земле привольной»).

1.3. Чувство жалости: не выявлено.

1.4. Чувство стыда: не выявлено.

1.5. Смех: не выявлено.

2. Физиологическое воздействие

Лицом больно уж страшен; <...> и чтоб платили за неё добрый заработок («Бархатная злодейка, гремучий дедушка и веселящий понюшок»); *А денёк хоть и осенний, но тёплый такой, аж жить охота* («Дырявый кафтан»).

3. Воздействие физической силы

Мы фашистов крепко бьем (частушка). Удивился Митяй этим словам. Запомнил *накрепко* («Как Митяй землепроходцем стал»). *Нет сестре от него отбою, всё тормозит её с расспросами* («Синий заяц»); У Пелагеи на это дело память была *цепкая* – всё запомнила, чему мать учила («Синий заяц»).

4. Большой размер, большое пространство

Про его богатства молва далеко шла («Синий заяц»); *Разреши, девица, выпить в честь твоего высокого таланта!* («Синий заяц»); *А вот видишь, сколько камня чёрного вокруг да поодаль!* («Дырявый кафтан»); *Прокинулись они от великого жара* («Дырявый кафтан»); <...> *великая будет от него польза!* («Дырявый кафтан»); *Одни, может быть, большие деньги найдут* («Синий заяц»); *Эти лампы куда лучше тех, что прежде были* («Синий заяц»).

5. Большое количество

Возвращаются со службы Много тысяч женихов (частушка); *Пойду, выйду за ворота В три голоса крикну:* – Я не здесь родилась, Не скоро привыкну (частушка). *Милый уголек рубает, По три нормы выдает* (частушка). Конструкция *по три нормы*, с одной стороны, свидетельствует о чрезвычайной работоспособности наших земляков, с другой – коррелирует с возможностью числа *три* выражать множественное значение, ср.: *за троих* разг. ‘очень много, как могут трое (работать, есть)’; *в три погибели* разг. ‘очень низко (согнуться)’; *обещанного три года ждут* ‘очень долго’.

6. Предел

<...> *доверху нагружай их тем камнем* («Дырявый кафтан»); *До чего ж красив наш край!* (частушка); *Хорош уголь! Ну до того хорош – лучше не бывает!* («Дырявый кафтан»). К данной группе отнесем и конструкции, в которых выражение семантики интенсивности связано с представлением о нарушении допустимых пределов: *Полюбила первый раз больше, чем отца с матерью, больше своей жизни* («Мария-Глубокая»).

7. Нарушение физических границ и границ реальности

Классы 6 и 7 связаны с мыслью о достижении некоего предела и вместе с тем о выходе за границы реальности или физического мира [1, с. 27]. Данную группу расширим примерами «нарушения ментальных границ и возможностей человека»: *И была она (Марфенька) красоты неписанной и невиданной: раз глянешь – вовек не забудешь* (Марфенька); *Губы мальчишки дрожали, в глазах его была такая тоска, что не передать* («Синий заяц»).

Значение усиленного проявления признака или действия выражается также посредством указания на несоответствие действительности, общепринятым способам бытия: *Пышет жаром небывалым самовар...* (частушка).

8. Стихийная сила

8.1. *Неконтролируемая сила: Закричал дико* («Про жадного шахтовладельца и золотистую крысу»).

8.2. *Метафизическая сила («нечистая»): Матерятся пакостно, как черти.*

8.3. *Метафизическая сила («Божественная»): Тоже рвет – не дай Бог!* («Бархатная злодейка, гремучий дедушка и веселящий понюшок»).

8.4. *Реальность, как сила воздействия на человека.* К данной группе отнесем часто встречающиеся в фольклорных произведениях сравнения: *У меня милых много – как в корзиночке грибов* (частушка); *На меня наговорили, Как на бедную лису. Что хотите – говорите, Молода – перенесу* (частушка). *Идет, матерясь во все саврасые ребра* («Шахтарчук»). Интересной, на наш взгляд, является конструкция *во все саврасые ребра*: саврас ‘простая рабочая лошадь’, тяжелый труд с которой разделял шахтный рабочий коногон.

К подгруппе 8.4 отнесем примеры, мотивирующим основанием интенсификации в которых является сравнение с героями социалистического труда:

*По-стахановски трудиться,
По-бусыгински ковать,
С Виноградовой сравниться,
Кривоноса обогнать.*

В частушке речь идет об Алексее Стаханове и его последователях в разных отраслях промышленности: Александр Харитонович Бусыгин – зачинатель стахановского движения в машиностроении; Евдокия Викторовна Виноградова – инициатор стахановского (виноградовского) движения многостаночниц текстильной промышленности; Пётр Фёдорович Кривонос – один из инициаторов стахановского движения на железнодорожном транспорте. Здесь можем говорить об ориентации на «сверхсильных» героев социалистического общества. Ср. также обращение к традиционным фольклорным героям: *Посмотрите-ка на дядю – Он никак не Святогор, Но в новаторской бригаде – Богатырь, а не шахтер* (частушка). *Приходи только, одарю по-царски* («Деньги от Шубина»); *Как к весне ворочусь – хоромы возведу почище барских* («Деньги от Шубина»). Согласно терминологии С.Е. Родионовой, лексемы *Святогор, богатырь, по-царски, барский* – интенсификаты – слова, которые имплицитно содержат в своем значении сему интенсификации, как, например, *триумф* ‘большой успех’, *замечательный* ‘очень хороший’.

Приведем примеры интенсификаторов с мотивирующей основой «героев своего времени» в интернет-коммуникации: *а ты далеко не Захарченко и не Черкалин* (Р. Шайхутдинов). *Сколько уж ваша власть за последние 30 лет русского народа угробила – Ленин отдыхает!* [в комментариях, <https://ulpressa.ru/>]; *Путин – далеко не Сталин* (Тенгиз Аблотия).

В фольклорных произведениях встречаются случаи сравнения с непривлекательными реалиями: *У моего милого Глаза как у идола, Голова как у вола, А мне кажется мала* (частушка); *Осип здоровенный, рыжий и злой, как все рудничные собаки вмести* («Два коногона»).

9. Явность, очевидность, заметность

Зато двоих дочерей своих завсегда напоказ выставлял — так гордился ими («Сказ Сорвиленской горы»).

10. Отрицательные последствия (результат) воздействия

Клетка вихрем понеслась, Аж вся зданья затряслась («На Донской земле привольной»); *Были тут, правды, и русские мастеровые, но так переделанные на иноземный лад, что и на своих уже не походили* («Дырявый кафтан»); *Перепугался Евсей насмерть такому известию* («Мария-Глубокая»); *Лицом больно уж страшен* («Бархатная злодейка, гремучий дедушка и веселящий понюшок»).

Интенсификаторы 1, 2 и 3 типов связаны с идеей психологического, физиологического и физического воздействия. Тип физиологического воздействия дополним возможностью оценки – *здорово: здорово чадили и коптели* («Синий заяц»). Интенсификаторы 4 и 5 типов связаны с представлением о чем-то большом, в концептуальном плане это большое количество, большие размеры или большое пространство. Своего рода классическое представление, лежащее в основе метафорических наименований со значением множества (*гора книг, море возможностей*). Классы 6 и 7 связаны с мыслью о достижении некоего предела и вместе с тем о выходе за границы реальности или физического мира Выход за пределы, границы, считаем, возможен и при ориентации на человеческие возможности, которые, в данном случае, мерилom и являются. Поэтому интенсификаторы типа *невиданный, неслыханный, неопиcуемый* и т. п. мы отнесли к данной группе. Г. И. Берестнев данную

группу мотиваторов резюмирует как «выход за пределы границ». Интенсификаторы 8 класса соотнесены с воздействием неподконтрольной человеку стихийной силы, которая может иметь психофизиологическую, «сверхъестественную» или просто не контролируемую человеком природу. Классы 9 и 10 связаны с идеями очевидности и абстрактных негативных последствий соответственно.

Выполненная классификация позволяет говорить о следующих особенностях выражения семантики интенсивности в фольклорных произведениях:

1) Примеры интенсификации в фольклорных произведениях довольно четко иллюстрируют мотивирующие основы интенсификации, определенные в работе Г. И. Берестнева, И. Б. Васильевой.

2) Результаты выборки не выявили случаи интенсификации семантики, в которых мотивирующим основанием было бы отмеченное учеными чувство жалости (представлено лишь в английском языке – *pathetically* ‘жалостно; трогательно’); чувство стыда (*бесстыдно*); смех (*смехотворно*).

3) к группе «Реальность, как сила воздействия на человека» мы отнесли многочисленные сравнения – явные и скрытые. Специфичным для данной группы считаем случаи, когда мотивирующим основанием интенсификации является ориентация на «героев» как жизни (героев труда и своего времени), так и героев сказок.

4) группу «Нарушение физических границ и границ реальности» считаем возможным дополнить понятием «нарушением ментальных границ и возможностей человека». Такое дополнение не противоречит основной идее Г. И. Берестнева о силе как прототипе интенсификации, может рассматриваться в аспекте мотивирующего основания для образования интенсификаторов «выход за пределы границ». В таком случае представление о силе будет изложено с точки зрения говорящего: *невиданный* как «нет силы (= возможности) увидеть такое».

Отметим, что в семантических исследованиях интенсификации обращение к позиции «говорящего / наблюдателя» не ново: согласно Е. В. Рахилиной, вся лексическая множественность, которая в значении большого количества образована либо от названий больших пространственных объектов, либо от названий движущихся больших масс, по неполной грамматикализации является дейктической, то есть сохраняет в своей семантике идею говорящего / наблюдателя и его места в пространстве рядом с этой множественностью [5, с. 33]. О возможности толкования позиции говорящего в аспекте ориентации на место, а на его сопричастность сообщаемому, ситуации общения или же дистанцированность говорил Н. А. Луценко. Ср., например, объяснение наличия «граничного» и «тотального» значений слова *все*: «Граничная семантика слова *все* (*Все, я туда больше не пойду*) конструируется позицией деятеля; целостная (*Все цветет*), наоборот, позицией наблюдателя» [3, с. 37–38]. Считаем, что позиция говорящего как сопричастного предмету интенсификации соотносится с усилением значения именуемого (с «граничным» значением): *неслышанно, невиданно, невозможно*; также в случае интенсификаторов с мотивирующим основанием «физиологическое воздействие» – *здорово, больно, добрый*.

Перспективным считаем исследования когнитивных оснований интенсификации в узусе, в сравнительном аспекте в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестнев Г.И. Эмотивные интенсификаторы английского и русского языков: от типологии номинаций к когнитивным установкам / Г.И. Берестнев, И. Б. Васильева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 1 (383). – Филологические науки. – Вып. 99. – С. 21–32.

2. Коновалов Е. Байки, сказы и бывальщины старого Донбасса. – Стаханов, 2010.
– Режим доступа: <http://miningwiki.ru>
3. Луценко Н. А. Грамматические категории в системе и узусе (глагол и имя) / Н. А. Луценко. – Донецк : ДонНУ, 2003. – 202 с.
4. Протекших дней очарование... Сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым / Запись, сост., вступ. ст и ст. к разделам, подгот. текстов, свед. об исполн., пунктах записи, словарь П.Т. Тимофеева. – Донецк : Донбасс, 2008. – 220 с.
5. Рахилина Е. В. Семантика лексической множественности в русском языке / Е. В. Рахилина, Ли Су-Хён // Вопросы языкознания. – 2009. – № 4. – С. 13–40.
6. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – С. 150–168.

E.A. Titarenko

THE LINGUAL MEANS OF INTENSITY EXPRESSION IN DONBASS FOLKLORE

The paper deals with the analysis of the lingual means of intensive meanings in folklore works. The especially features of intensive meanings realization in Donbass folk texts are shown. The words and word combinations with the meaning of intensity are classified according the typological matrix for emotive intensifiers, which we presented by G.I. Berestnev and I.B. Vasilyeva. This classification deals with the revealing of mechanisms of intensification. We consider it possible to use this way of systematization both for words and for word combinations and sentences with the meaning of intensity. We also consider it possible to add the concept «violation of mental boundaries and human capabilities» to the classification groups.

Key words: *semantics, intensity, motivating basis, Donbass folklore.*

СОДЕРЖАНИЕ

Словообразование и грамматика

Андрюшенко А.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 4 Отклонения от литературной нормы в области имени существительного в речи дончан (на материале словаря донецкого региолекта)
Зайберт Е.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 11 Сложносокращенные неологизмы в ономаσιологическом ирассмотрении
Новоселова В.А. (Петрозаводский государственный университет) 17 Словосочетания и предложения в эргонимах города Петрозаводска
Рязанова В.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Гибридная 25 аббревиатурно-комполитная группа: параметры выделения
Смирнова И.Р. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Типологиии 32 неинициальных абброконструктов: формальная, семантическая, деривационно-эквивалентностная
Яблунувская Е.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 39 Словообразовательные особенности окказионализмов (на материале современных периодических изданий)

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Балко М.В. (ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной 46 службы при Главе Донецкой Народной Республики») Эстетическая функция регионального художественного текста (на материале романа Л. Губина «Камень-уголь»)
Карпенко А.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Названия 53 карточных игр в произведениях А.С. Пушкина
Марченко А.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Поэт 59 Донбасса как уникальная языковая личность
Твердюк А.Д. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 66 Дискурсивная личность донецкого поэта (на материале творчества К. Першиной)
Титаренко Э.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Языковые 70 средства выражения семантики интенсивности в фольклорных произведениях Донбасса

CONTENTS

Derivation and Grammar

Andrushenko A.A. Deviations from the literary standard in education nouns	4
Zaybert E.A. Complexed abbreviated neologisms in onomasiological consideration	11
Novoselova V.A. Phrases and sentences in the ergonyms of the city of Petrozavodsk	17
Riazanova V.A. Hybrid abbreviation-composite group: selection parameters	25
Smirnova I.R. Typologies of non-initial abbroconstructs: formal, semantic, derivation-equivalence	32
Yablunovskaya E.S. Word-formation features of occasionalisms (based on the material of modern periodicals)	39

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

Balko M.V. Aesthetic function of the regional artistic text (on the material of the roman L. Gubin "Stone-coal")	46
Karpenko A.V. Names of card games in the works of A.S. Pushkin	53
Marchenko A.S. The poet of Donbass as a unique linguistic personality	59
Tverdyk A.D. Discursive personality of the donetsk poet (on the material of the creativity of K. Pershina)	66
Titarenko E.A. The lingual means of intensity expression in Donbass folklore	70

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и снизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
 - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
 - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
 - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
 - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
 - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
 - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
 - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
 - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «..."..."»;
 - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

- д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:
- е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.
(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.
 2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
 3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.
 4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.
 5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/RHINO/BERN>
И т.д.
- 2.** Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке.**
- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - текст аннотации на английском языке (12 кегль)
 - ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3.

N. V. Gladkaya

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF
CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.